К94
Б75
УрГУ

Боевые ребята
№ 13

72057

ОЧ

ДЦБ Абонемент КЛ

СОБД и Ю
Отдел хранения

К94
Б75

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

ВЫПУСК ТРИНАДЦАТЫЙ

72057

Детская Центральная Библиотека
г. Свердловск

Свердловское Областное
Государственное Издательство
1951

НАШ ЛЮБИМЫЙ ПИСАТЕЛЬ

3 декабря 1950 года в Москве после тяжёлой болезни умер Павел Петрович Бажов. Через зал Свердловской филармонии, где был установлен гроб с телом Бажова, нескончаемым потоком шли взрослые и дети, прощаясь с любимым писателем.

Человек с чудесными голубыми глазами, в которых играет какая-то особая искорка. Вот он входит своей неторопливой походкой, разглаживает бороду ласковыми красивыми руками и начинает с ребятами чудесный разговор. Таким в их памяти останется Бажов навсегда.

Павел Петрович Бажов родился 28 января 1879 года в семье рабочего Сысертского завода. Бажовы — это целый род мастеров горнозаводского дела на Урале. Василий Александрович Бажов, дед писателя, всю жизнь работал на медеплавильных печах, бабушка Авдотья Петровна происходила из рабочей семьи Насоновых.

Тяжело жилось трудовому человеку в царское время. Отец писателя, Пётр Васильевич Бажов, был незаурядным мастером пудлингового цеха (цеха по переработке чугуна в сварочное железо), но вынужден был постоянно переезжать с одного завода на другой в поисках работы — из Сысерти в Северскую, опять в Сысерть, потом в Полевую, Вершинку. Заводское начальство не прощало Петру Васильевичу его смелых и справедливых слов о притеснениях и наживе на труде рабочего человека. Нередко по году и больше его не принимали на работу, и он вынужден был, чтобы прокормить семью, заниматься старательством, сенокошением или даже рыбной ловлей. Августа Степановна, мать писателя, дни и ночи трудилась — плела кружева и вязала узорные чулки для заводских барынь.

Уже в раннем детстве Павел Петрович отличался исключительной памятью, любил читать. Из прочитанного в детстве особенно запомнилась ему книжка «Евпатий Коловрат, рязанский витязь». Но главное,

что возбуждало детское воображение, были рассказы бывалых людей. Бывалые люди — это старые рабочие, которые, истратив все силы на заводской работе, в виде особой милости хозяев переводились в сторожа и лесообъездчики. Многое за свою жизнь приходилось испытать таким людям: издевательства заводчиков, тяжёлый, изнурительный труд, бесконечные скитания в поисках работы за кусок хлеба. Много побывальщин и легенд знали такие старики и хорошо умели их рассказывать.

С одним из таких бывалых людей встретился одиннадцатилетний Бажов в Полевском, куда вернулась семья. Это был сторож, охранявший запас дров для завода, Василий Алексеевич Хмелинин.

Легенды об Азов-горе, где сидела каменная девка и сторожила клады, о Думной горе, на которой якобы был Пугачёв и думал свою думу, о Медной горе мальчик слышал в своей семье. Но рассказы дедушки Слышко (так прозвали ребята Хмелинина за его любимое слово: «слышь-ко») были более разнообразны и ярки.

Караулка дедушки Слышко и помост с колоколом для отбивания часов находились на горе Думной. Бывало, отобьёт дедушка вечерние часы, сядет на крылечко караулки, закурит трубочку и поведёт неторопливый рассказ. А ребята сидят, затаив дыхание.

В 1889 году Бажов закончил заводскую школу, и перед родителями встал вопрос: что делать дальше?

Мальчик был единственным ребёнком в семье, хорошо учился, и родители думали, что избежать их тяжкой участи он может только благодаря образованию. Но вот беда: на обучение и содержание они могли выкроить гроши. Решили отдать в духовное училище в Екатеринбург, так как там сравнительно дёшево брали за обучение.

В училище была казённая система воспитания с надзирателями и инспекторами. Книги разрешалось читать только с ведома начальства. Первое знакомство Бажова с произведениями А. С. Пушкина произошло при таких необычных обстоятельствах.

Увидев однажды в школьной библиотеке том сочинений Пушкина, мальчик попросил книгу, но библиотекарь, не желая давать, ответил, что выдаёт тому, кто выучит всё наизусть. Юный читатель согласился, и книга была получена. Каково же было удивление библиотекаря, когда маленький Бажов, возвратив книгу, стал тут же читать наизусть одну поэму за другой.

В Екатеринбурге, а затем в Пермской семинарии, где Бажов учился с 1893 по 1899 год, он знакомится с произведениями Мамина-Сибиряка, Мельникова-Печерского, Салтыкова-Щедрина. Особенно сильное впечатление осталось от чтения рассказов А. П. Чехова.

Первой книжкой Чехова, которую прочитал Бажов, была книжка, купленная им на свои скудные деньги в 1894 году. Эта книжка называлась «Пёстрые рассказы». Читать приходилось украдкой от семинарских надзирателей, в вечерние часы. Читали группами и в одиночку. Впечатление от этих рассказов было настолько сильным, что его, по признанию Бажова, не могло сгладить последующее глубокое знакомство с произведениями великого писателя. Однако с точки зрения начальства книжка была «недозволенной», и она у владельца была изъята.

В 1899 году Бажов кончает семинарию и в течение восемнадцати лет работает учителем русского языка.

Педагогическая деятельность Павла Петровича Бажова началась в школе села Шайдуриха, около Невьянска, но вскоре он вынужден был уехать оттуда из-за отказа преподавать ненавистный ему закон божий. До 1915 года Бажов преподаёт русский язык в школах Екатеринбурга, а с 1915 года — в Камышлове.

Работая учителем, Павел Петрович глубоко изучает свой родной край — Урал. Во время летних каникул он совершает путешествия, собирает сведения по истории горнозаводского дела на Урале, записывает сказки, легенды, изучает живой народный язык. Записи составили шесть толстых тетрадей. К сожалению, все они погибли во время гражданской войны.

Новый этап в жизни и деятельности Бажова начинается с Великой Октябрьской социалистической революции.

В это время Павел Петрович работал в Камышлове. Ему поручают руководство народным просвещением и назначают редактором камышловской газеты. Начинается активная литературная деятельность. Он пишет статьи, фельетоны, заметки. В 1918 году Бажов вступает в ряды коммунистической партии.

О значении Октябрьской революции в его личной жизни и деятельности писатель говорил: «...вероятно, никаких литературных работ у меня не было бы, если бы не революция».

Началась гражданская война. Родина в опасности. Бажов добровольцем уходит на фронт защищать власть Советов. Сначала он служит в «Особой советской роте красных орлов полка», а затем работает редактором газеты 29 дивизии «Окопная правда». В 1919 году участвует в организации партизанских отрядов в тылу Колчака и вместе с ними ведёт борьбу с контрреволюцией в Сибири и на Алтае. В конце того же года по освобождении города Усть-Каменогорска работает секретарем Усть-Каменогорского уездного комитета партии.

В 1920 году Бажов переводится в город Семипалатинск и избирается здесь членом губернского комитета партии.

В 1921 году Павел Петрович возвращается на Урал, в город Камышлов, и редактирует камышловскую газету «Красный путь». С 1923 года живёт в Свердловске. Здесь в течение семи лет работает в редакции «Крестьянской газеты».

Газетная работа была для Бажова настоящей школой. Она тесно связала его с жизнью, дала неисчерпаемый запас наблюдений и твёрдо поставила на путь систематической литературной деятельности.

В 1924 году вышло первое большое произведение Павла Петровича — «Уральские были». В нём изображалось положение рабочих Сысертских заводов в последнюю четверть XIX века. Писатель гневно обличал бар-тунеядцев, измывавшихся над рабочим человеком, и с большой любовью нарисовал образы творцов всех богатств — рабочих, талантливых «умельцев». За этим последовали книги: «К расчёту» — о забастовках рабочих Сысертских заводов в 1905 году (1926 г.), «За советскую правду» — о борьбе сибирских партизан против Колчака (1926 г.), «Пять ступеней коллективизации» — о колхозах на Урале (1930 г.) и др.

С 1936 года печатаются сказы «Дорогое имячко», «Про великого Полоза», «Медной горы Хозяйка», «Приказчиковы подошвы», «Сочневы камешки», «Марков камень» и др., положившие начало знаменитой книге «Малахитовая шкатулка». Первое издание «Малахитовой шкатулки» вышло в Свердловске в 1939 году.

Глубоки и благородны идеи бажовских сказов. Труд — это главное для человека, человек — сам творец своего счастья,— учит писатель, следуя великому писателю А. М. Горькому. Но чтобы сделаться настоящим мастером, надо работать с огоньком, во всяком деле находить живинку. Не любит Медной горы Хозяйка бескрылых людей, ремесленников, а недобрых, злых, ищущих лёгкой наживы,— строго наказывает. Ищите, дерзайте, творите для народа с чистым сердцем, в полную меру сил, говорит Бажов, обращаясь к нашему поколению.

Кроме сказов, в которых героями являются дети, Павел Петрович в 1939 году написал детскую повесть «Зелёная кобылка». В ней рассказывается о мальчиках-друзьях — «заединщиках», которые самоотверженно спасают раненого революционера от преследования царских ищеек.

В годы Великой Отечественной войны писатель отдаёт все свои силы делу разгрома фашизма. За это время им созданы новые циклы сказов — о немцах, хозяйничавших в царское время на Урале, показа-

но величие русского человека, вдохновенного творца, непревзойдённого мастера. В послевоенные годы Бажовым написано много новых сказов, прославляющих вдохновенный труд советского человека на благо социалистической Родины.

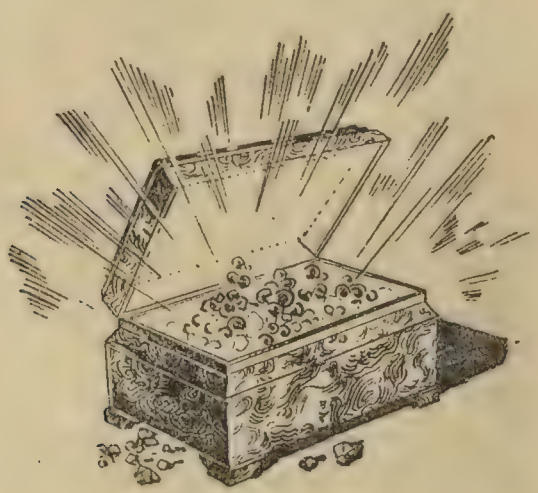
С 1940 года Бажов бессменно руководил работой Свердловского отделения Союза Советских Писателей.

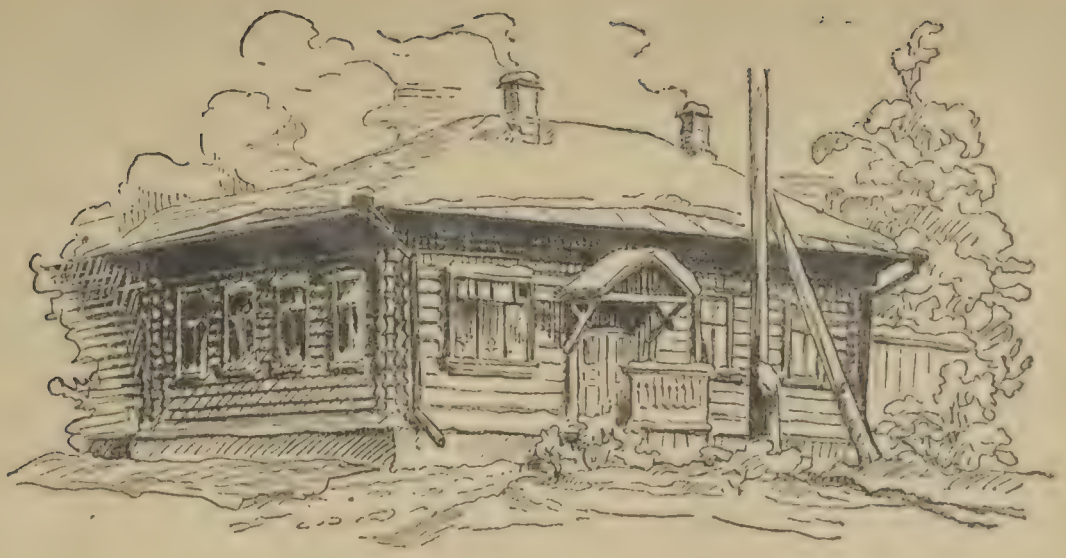
Партия и правительство высоко оценили литературную и общественную деятельность писателя. В 1943 году ему была присуждена Сталинская премия за книгу «Малахитовая шкатулка», а в 1944 году он был награждён орденом Ленина.

Огромную работу проводил Павел Петрович как депутат Верховного Совета СССР. Трудящиеся Свердловской области избрали его своим депутатом в 1946 году и вновь в 1950 году.

С холма, где похоронен Павел Петрович Бажов, открывается весь город и его окрестности. Могила увенчана памятником, на котором помещены слова, взятые из произведения самого писателя: «Работа — она штука долговекая. Человек умрёт, а дело его останется».

Творчество Павла Петровича Бажова вечно будет жить, и имя выдающегося писателя навсегда останется в памяти народной.





Посвящается П. П. БАЖОВУ

ДОМИК ПИСАТЕЛЯ

Е. Хоринская

Недалёко от Исети
Старый дом и сад густой;
Там шумит весенний ветер
Беспокойною листвой.

Там шумит весенний ветер
И стучит в окно крылом...
Знают взрослые и дети
Деревянный этот дом.

Знают все, что в кабинете
До зари не гаснет свет,
Если же окно не светит,
Это значит — дома нет.

Много дел у депутата,
То уедет он опять...
Но не раз его, ребята,
Нам случалось повидать.

Лишь покажется машина,
Забегаем мы вперёд,—
Ждём, когда шофёр машину
Остановит у ворот.

Открывается калитка,
Сад весь в солнечных лучах...
Внучек, маленький Никитка,
Дедушку бежит встречать.

...Вот сидит он под рябиной,—
Не забыть нам до сих пор,—
И ведёт он с нами длинный
Задушевный разговор.

Подтолкнём слегка друг дружку,
Я букет ему подам...
«Огневушку-поскакушку»
Подарил на память нам!

Не забыть нам встречи эти,
Тёплую его ладонь...
...Почему же в кабинете
Не горит теперь огонь?!

От нахлынувшей печали
Будто сжались вдруг сердца.
Долго молча мы стояли
У высокого крыльца...

Медленно пошли сторонкой,
Побрели домой потом.
Был декабрь. Мела позёмка.
Тёмным был в тот вечер дом.

В снеговых мехах берёзы,
Дым стелился до земли,
И, должно быть, от мороза
Слёзы по щекам текли...

...На морозе стыли пальцы,
Стала улица узка,—
Это тысячи уральцев
Провожали земляка.

Молча хмурились сурово...
Провожали стар и мал
Всем знакомого, простого,
Кто воспел родной Урал,

Кто оставил клад чудесный,—
Разве нам его забыть...
Нет, не умер дед-кудесник —
Вечно в песнях будет жить!

Жабреев ходок

П. Бажов *Рисунки В. Васильева*

В Косом-то Броду, на котором месте школа стоит, пустырь был. Густополье большенькое, у всех на виду, а не зарились. Нагорье, видишь. Огород тут разводить хлопотно,— поту много, а толку мало. Ну, люди и обегали. Всяк выбирал себе полегче да поподручнее.

А раньше-то, сказывают, тут жильё было. Так, стрень-брень избушечка, на два оконца, передом напрочапилась, ровно собралась вперевёртышки под гору скакать. Огородишко тоже, банёшка. Одним словом, обзаведенье. Не от силы завидное, а на примере у людей было. По всей округе эту избушку знали.

Жил тут старатель один. Никита Жабрей прозывался. Мужик в годах. Как говорится, детинка с сединкой. Молодым впору такого дедком звать, а ещё в полной силе. На работе редкий против него выдюжит. Из себя был старик видный, только такой молчун, будто вовсе говорить не умеет, и характером — не задень. Никого близко к себе не подпускал. Недаром, видно, его Жабреем звали.

Этот Жабрей в одиночку больше старался, места новые искал и, случалось, находил. Придёт тогда в деревню и сам скажет:

— Вот, мужики, там-то попадать золотишко стало.

И верно, стараться можно. Когда и вовсе ладно. Только за Жабреем ещё одну тайность знали. Не один раз он при больших деньгах бывал. Никто, понятно, не видал, откуда те деньги Никите приходили, а по народу разговор шёл, что он тайным купцам по золотому делу самородки сдавал. И будто все самородки на одну стать,— как лапоточки, ростом махонькие, а веские. И то ещё диво,— как по ступенькам

на прибыль шли: сперва были по фунтику, потом больше да больше, а стать одна — лапоток!

Тайные купцы да и старатели тоже сильно охотились подглядеть, в каком месте Жабрей такие лапоточки добывает, да толку не выходило. Никита, видишь, знал что за ним досматривают, и свою сноровку имел. Водит-водит за собой этих доглядчиков, а как темно станет — он в лес. Найди-ко, в какое место за ночь он по лесу уберётся.

К Жабреевой жене подсыл делали, а тоже зря. Жабренха видишь, как раз мужу под стать. Старуха, прямо сказать, колючая, без рукавиц к ней не подходи, и на разговор крутая. Кто без заделья придёт, так она дальше порогу и в избу не пустит. Не успеет человек усы расправить да вымолвить:

— Здравствуй, бабушка!

А она его торопит:

— Ещё что скажешь? По какому делу пришёл?

Тот, понятно, курлыкает:

— Как, мол, живёте-можете со старичком-то? Всё ли по-хорошему?

— А так,— отвечает,—и живём: в люди не ходим, к себе не зовём, а незваного по рылу помелом.

Поговори вот с такой!

Какие бабёночки с заделье подбегали, будто взаймы перехватить того-другого по хозяйству, с теми по-разному обходилась. Иной раз сразу отрежет:

— Не припасла про тебя и напредки ко мне не ходи!

Другой без отказу даёт, что попросит. Мучки там, маслица, картошки, либо ещё чего и про отдачу никогда не спросит, а лишнего слова всё равно не скажет. Только гостьюшка пристроится посудачить, Жабренха таз да вехотку в руки и говорит:

— Беги-ко, Степаня, домой! Ребята ведь у тебя. Дела-то побольше моего. Я вон и то мыть собралась, а ты сидишь, будто от простой поры!

Так и жили Жабрей с Жабренхой от людей на отшибе.

Случалось, конечно, Жабрею и в артелках стараться. Это когда он новое место укажет. С почтеньем его принимали. Работник без укору, не то что за двоих, за троих ворочает и по золоту знающий — кто такому откажет. Только не подолгу он на людях жил. Чуть что выйдет — сейчас в сторону. На артели, известно, мало ли бывает. Перекоры по работе пойдут, мошенство какое откроется, поучить, может, кого требуется, а Жабрею это невперенос. Послушает, как народ загамит, да и выронит свое словечушко:

— Загудело, комарино болото! Слушай, кому охота, а мне не с руки!

Скажет так-то, плюнет, подхватит кайлу да лопатку, ковш да мешок за спину — и пошёл. Коли получка есть,— и то не покажется.

Раз так-то ушёл — и надолго. В живых его считать перестали, а он и объявился. По самой-то троицкой воде, как все ручейки на полную силу играют, выплыл.

Год тогда, сказывают, худой издался. С золотишком заминка вышла. Ну, старателям и вовсе невесело было. Большой праздник, а им и погулять не на что. Толкуют об этом, жалуются, смекают, к кому бы приняться на стаканчик, да тут и увидели — по полевской дороге идёт Жабрей, и всё на нем новёшенькое. Примета ясная — при деньгах он, и сейчас на всю деревню гулянка будет.

Так и вышло. Первым делом зашел Никита в кабак, сыпнул на стойку рублей и говорит целовальничихе:

— Цеди, Ульяна, всем допьяна! Пускай ни один комар не гудит, что Никита Жабрей свою долю в кошельке зажал, людям не показал. Гляди — вот она!

А сам сыплет да сыплет рубли.

Народ знал, что Никита начистоту гуляет, до последнего рубля и без покору,— живо со всей деревни сбежались. Иные, конечно, с простоты: почему-де не выпить, коли наливают, а больше того с хитрости: про себя думают, не распоясается ли Жабрей, не проговорится ли о местичке, где золотые лапоточки плетут. Только Жабрей свою меру знал. Выпьет, сколько ему надо, сыпнет ещё на стойку и накажет целовальничихе.

— Гляди, Ульяна, наливай безотказно. Мужикам простого, девкам, бабам — красненького. Кто сколько поднять может. Коли перепьют — доплачу, не допьют — твой барыш. С утра по другому расчёту пойдёт.

Целовальничиха рада-радёхонька, на четыре стороны развёртывается: одной рукой наливает, другой рубли загребает, Жабрею кланяется: дескать, всё сделано будет, а сама мужу шепчет:

— Гони-ко, Иван, на винокурню, вези хоть две бочки, а то нехватит.

Из кабака Жабрей по своему обычаю в лавку, а там его давно ждут. Торгаш тоже дошлый был. Деревнёшка хоть маленькая, а на случай старательского фарту всегда в лавке дорогой товар был, из того числа, что деревенскому человеку вовсе ни к чему.

Никита из этого товару обнов наберёт своей старухе. Ну, шаль ковровую, как полагается, башмаки с пряжкой, шёлку цельный кусок, ещё что поглянется. Себе тоже обнов накупит и говорит торгашу:

— Снеси моей старухе. Никита, мол, Евсеич кланялся и велел сказать: жив-здоров, скоро домой придёт. Пущай капустных пельмешков настряпает да кваску наготовит. Не меньше двух жбанов.

Торгаш убежит, а Никита в лавке сидит, дожидается. Потом спрашивает:

— Ну, что?

— Да ничего,— отвечает,— отдал.

— Что старуха говорит?

— Взяла,— отвечает,— обновы, в угол бросила, а ничего не сказала.

Никита не верит:

— Не может этого быть, чтоб мужнино подаренье без слова приняла.

Торгаш тогда и говорит:

— Три только слова и было.

— Какие,— спрашивает,— слова?

— А как приняла обновы, вздохнула и молвила: «Ох, старый дурак!»

Никита смеётся.

— Верно говоришь! Старухин обычай. Всё, значит, в добром здоровье. Торопиться некуда. Давай ребят потешим маленько. Тащи решётку!

Торгаш уж знает дело. Притаскивает рудничную решётку и спрашивает:

— Сколько велишь навешать и каких?

— Сыпь на-глазок, с верхом! Всякого сорту, только в бумажках. гляди, а голых не надо!

Торгаш, конечно, без мошенства не может. Какие конфетки подешевле, тех сыплет больше, а которые подороже — тех самую малость. а считает наоборот. Ну, Никита к тому не вяжется. Отдаёт деньги и выходит с решёткой на крылечко, а ребята со всей деревни сбежались. Только у крылечка не стоят, а поблизости игры завели: кто — в бабки, кто — шариком, девчонки — опять в свои игры. Они, видишь, знали Жабрееву повадку: коли увидит, что его ждут, назад решётку унесёт. Ребята и прихитрятся, будто ничем-ничего не знают, а просто играть сбежались.

Никита видит — не ждут его, и давай горстями во все стороны конфетки швырять. Ребята, конечно, конфетку не часто видали,— кинутся подхватывать — свалка тут пойдёт. Коли по нечаянности кого сшибут, либо лбами стукнутся — Жабрей ничего,— смешно ему, а коли расстервенятся и до драчишки дело дойдёт,— тут зубами скрипнет, бросит решётку и вымолвит:

— От комаров, видно, комарята и родятся!

Потемнеет весь — и домой. Заберётся на свою горушку, пристроится

на завалинке и заведёт голосянку. И тут к нему не подходи: всякого сшибёт. Одной старухе свободно.

В деревне по случаю жабреевой гулянки шум да гам, песни поют, пляски заведут, а Жабрей сидит на горушечке да тянет одно:

— Комары вы, комары, комарино царство.

Нечью уж старуха уведёт его в избу, а проспится — с утра всё по порядку. Сперва в кабак, потом обновы старухе покупать и ребятам конфетки разбрасывать. У старухи, бывало дело, полный угол обнов накопится. Потом, как денег не станет, тому же торгашу за десятую копейку сдавала. За которое плачено полсотни — за то пятёрку, за которое десятка сорвана — за то рубль.

Когда у ребят делёжка без драки пройдёт, в тот день Жабрей до вечера по деревне гуляет. С другими старателями песни поёт, пляшет тоже, а домой всё-таки один идёт, никого ему не надо. Если кто и вовсе подладится к Жабрею, всё равно откажет:

— Друг ты мне, а на горушку ко мне не ходи! Не люблю.

Так и шла гулянка, пока все деньги не выйдут. Только на этот раз с первого дня другой поворот вышел.

Вынес Никита решётку с конфетками, стал разбрасывать. А в ребятах случился парнишко один. Дениско Сирота его звали. Годами ещё молоденький, а долговязый. Другие парнишки, его-то ровня, дразнили:

— Дениско, переломись-ко, вровень пойдём!

По сиротству этот парнишко давно в песковозах ходил и по росту за большого считался. Ну, всё-таки молодой умок — ему любопытно поглядеть на жабрееву гулянку. Дениско и подобрался поближе к лавочному крылечку и тоже будто с ребятами играет. Как все кинулись на подхват конфетки ловить, Дениско стоит и смотрит. Никита увидел, кричит ему:

— Ты, долган, что не ловишь?

И бросает ему целую горсть. Другие ребята налетели, а Дениско отодвинулся маленько, чтоб его с ног не сшибли. Никита тогда и спрашивает:

— У тебя, Дениско, что? Спина болит?

— Нет,— отвечает — спина не болит, а не к чему мне это. Я, поди-ко, большой.

— А коли большой,— говорит Никита,— ступай в кабак. Выпей за моё здоровье хоть красного!

— Мне,— отвечает,— мамонька перед смертью наказывала: «До полной бороды в рот капли вина не бери, а дальше, как знаешь».

Никита удивился:

— Вон ты какой! На, нето! — и бросает ему сколько-то серебряных рублёвиков. Только Дениско их не поднимает да ещё говорит:

— Милостинку теперь не собираю. Вырос — свой хлеб ем.

Никита, конечно, разгорячился. Заревел на других ребятишек:

— Отойди в сторонку! Сейчас погляжу, какая у этого гордыбаки сила!

Выхватил из-за пазухи пачку крупных денег и хвать ими перед Дениском. А тот, видно, тоже парнишко с норовом, говорит:

— Сказал — милостинку не собираю, а с собачьего бросу и подавно

Никита от таких слов себя потерял: стоит — уставился на Дениска. Потом полез рукой за голенище, выволок тряпицу, вывернул самородку,— фунтов, сказывают, на пять — и хлоп эту самородку под ноги Дениску, а сам кричит:

— Не хвастай через силу! Это ты у меня подымешь!

Ну, Дениско,— то ли он такой упорный пришёлся, то ли цены настоящей самородку не понимал,— не поднял. Поглядел только да сказал:

— Такой бы лапоток самому добыть лестно, а чужого мне не надо.

Повернулся и пошёл. Никита опамятовался, подбежал, подобрал деньги и самородку и кричит Дениску:

— Тебе хоть что надо?

— Ничего,— отвечает,— не надо. Поглядеть приходил, как ты перед народом удачей хвастаешь.

Никите обидно, что парнишко его укорил, а смолчал. Маленько погодя кричит вдогонку:

— Дениско, воротись-ко!

А ребята подхватили:

— Дениско, переломись-ко! Дениско, переломись-ко!

Дениско ничего, подошёл спокойно. Тогда Никита и говорит ему потихоньку, чтоб другие не слышали:

— Ты, парень, прибеги-ко ко мне утречком, как вовсе трезвый буду. Может, я тебе скажу про мурашину тропку, а дальше сам за себя отвечай. Коли пустят тебя каменны губы, так салку нехитро на горячую либо на мокрую отворотить. Тогда и лапотков добудешь.

— Ладно,— отвечает,— дядя Никита. Спасибо скажу, коли дорогу укажешь.

— Это,— говорит Никита,— не за спасибо, а за то, что жадности в тебе не видно. Давно такого присматриваю.

Поговорили так и разошлись, а больше им свидеться не довелось.

Жабрей после этого случаю сразу к себе на горушку уплёлся. Потихоньку шёл, вроде крепко задумался и про комаров в этот день голосянку

не тянул. Видели люди,— он со старухой на завалинке сидел. Долго сидели, как молодожёны какие, и о чём-то судили да дружно так. Деревенские прямо диву дались.

— Глядите-ко, Жабрей с Жабренхой наговориться не могут. Не иначе, перед смертью.

Шутили, конечно, а так оно и вышло. Наутро прибежал Дениско к Жабрею и видит — все двери полёхоньки, а в сенках и в избе всё в полном разбросе: кое опрокинуто, кое перевёрнуто, кое в щепы разбито. Посерёдке избы тяжелый лом-черёмуха, а людей никого нет.

Дениско забеспокоился, побежал в деревню, рассказал, так и так, неладно у Жабреев. Народ, хоть с похмелья, сразу побежал на горушку. Стали разглядывать, как да что. По начальству дали знать. Ну, разобрать толком не могли. Одно видно — воевали тут крепко, впотёмках почём зря хлестали и в голбце рылись, а одёжу не пошевелили и обновы, как бросила их старуха в угол, тут и лежат. Крови не оказалось, и следов на земле около избы не видно. Место, видишь, плотик да камень, следов оно не держит. И то сказать, вся деревня сбежалась, что и было, всё затоптали.

Начальство, понятно, караул к пустому месту поставило и давай народ доспрашивать, кто что сказать мог.

На то выходило, что из деревенских завинить некого: кто в ту ночь вовсе без гач пьяный лежал, кто у других на глазах был. И на то намекали, что хитники из Кунгурки приходили, потому — тамошнего тайного купца подручников в деревне видели. Многие на того купца доказывали, как он не раз людей подговаривал за Никитой подглядывать. Только разве такого завинят, коли всё начальство им задарено!? На то повернули, что Дениско Сирота первый тому был подводчик. Ему, дескать, Никита деньги и самородку показывал, и не зря этот парнишко утром тут оказался.

Подлость, конечно, а взяли парнишка в острог да и мытарили там сколько-то годов. Купца, значит, тем выгородили и будто своё дело сделали — виноватого нашли. Привычно им так-то вертеться было.

В деревне про Дениска скорёхонько забыли. Приисковый народ, известно, не больно на людей памятлив. Мало ли с кем случается сбегаться. Своих у Дениска не было,— кто о нём печалиться станет. А он сидит в остроге да думает — вот найдут Жабреев, и всё по правде откроется.

Ну, всё-таки Дениска выпустили. Вовсе большим он в деревню пришёл. Первым делом ему охота узнать, что про Никиту с женой слышно и кто в их избушке живёт. Спросил, а никто не знает, и на горушке званья от жилья не осталось. Известно, бесхозяйственный дом недолго стоит, живо его разнесут, а тут ещё припомнили, что хитники в голбце чего-то искали.

Ну, и давай тоже рыться. Всё перерыли, и на месте Жабреева обзаведенья стал пустырь с ямами.

Дениску это обидно показалось. Вот, дескать, знающий по золоту человек был. Богатства не нажил, всё людям раструсил. Места новые показывал. И старуха худого людям не делала, а только и осталось, что пусторожнее место с ямами.

Пошел на горушку, сидит там да раздумывает. И то ему на память пришло, что Никита говорил, когда к себе звал.

«Про какую-то мурашину тропку он сказывал? И что это за каменны губы?»

Думал-думал, на том решил:

«Мурашиных тропок мало ли. Кто их разберёт, которую надо, а каменные губы поискать можно. Не набегу ли ненароком?»

Надумал так да тут и углядел,— у самой мурашиной тропки сидит. Тропка как тропка. Мурашики по ней ползут, только все в одну сторону, а встречных не видно. Дениску это любопытно показалось. «Дай,— думает,— погляжу, в каком месте у них хозяйство». Пошёл около этой тропки, а она куда-то вовсе далёко ведёт. И то диво — мурашики будто больше стают, и как где место пооткрытее, там видно, что на лапках у них вроде искорок. Что за штука? Взял одного, другого, посмотрел. Нет, ничего не видно. Глаз не берёт. Пошёл дальше и опять примечает: растут мураши на ходу. Опять возьмёт которого в руку и давай разглядывать. Видно стало, что на каждой лапке как капелька маленькая прильнула. Дениску это вовсе удивительно, он и шагает вдоль тропки. Так и вышел на полянку, а там из земли два камня высунулись, ровно коврики исподками сложены: одна снизу, другая сверху. Ни дать, ни взять — губы.

Мурашиная тропка как раз к этим губам и ведёт, а мураши, как на полянку выйдут, так на глазах и пухнут. Их боязно и в руку взять: такие они большие стали. А на лапках явственно разглядеть можно, как лапотки надеты. Подойдут к каменным губам — и туда. Ходок, видно, есть.

Денис подошёл поближе поглядеть, и каменны губы широко раскрылись, дескать, ам! Денис испугался, понятно, отскочил, а губы не закрываются, будто ждут, и мураши идут своей дорогой прямо в эти губы, ровно ничего не случилось. Денис осмелел маленько, подошёл поближе, заглянул, что там, и видит — место туда скатом крутым идёт, вроде катушки, только самой вязкой глины. Прямо сказать, плывун, чистая салка. По этому плывуну мураши и то еле пробираются. Нет-нет, и лапотки свои оставляют, только не одинаково. У иных салка сразу их снимет, и дальше тот мураш легонько идёт. Другой ниже спускается и прямо на виду в

росте прибывает. Вошёл, скажем, в каменны губы ростом с большого жука, а шагнул дальше — вырос с ягнёнка, ещё ниже подался — стал с барана, с телёнка, с быка. Дальше и вовсе гора-горой ползёт, и лапти у него, может, по пуду, а то больше. Пока лапти в салке не оставит, потихоньку идёт, а как снимет все до одного, так и пойдёт скользить не хуже плавунца, и в росте больше не прибывает.

Денис понял тогда, из какого места золотые лапотки приходили, только то ему невдомёк, как Никита этой страсти — больших-то мурашей — не боялся. Подумал так, а мураши и стали один по одному уходить и новых к каменным губам больше не подходит.

«Вон,— думает,— что! Перемежка, видно, тоже бывает, а вот надолго ли?»

Про лапотки он так понял, что их можно прямо рукой из салки добыть. Дениса и потянуло попытать свою долю,— хоть сверху маленько порыться. Только и то смекает, как по такому крутику без каёлки обратно выбраться. Он и стал искать, нет ли поблизости каряжинки либо жердинки суковатой, да и углядел в кусте бадейку. Небольшая бадейка, а широконькая. Тут дровца наготовлены, около них каёлка да две лопатки: одна железная, другая деревянная.

Денис по приискам с малых лет мытарился, понял,— к чему это. Забрал лопатки, кайлу, бадейку, дровец тоже охапочку на поясе прихватил, подошёл к каменным губам, а они и закрылись. Как два камня один на другом лежат, и никакого ходу тут не бывало.

Запечалился Денис, а что сделаешь? Кайлой такие камни не разворотить. Хотел он обратно в кусты всё составить, да губы опять и открылись. Широко так и будто пошевеливаются — ам! ам! Ну, Денис не струсил, раздумывать не стал — сразу вниз полез. В салке, конечно, лапотков золотых не оказалось, они ниже, в песках загрузли, только добраться до них, кто умеет, недолго. Салку, известно, у нас на горячую железную лопату берут, а того лучше на мокрую деревянную — так блином и поддевай. Денис живо привесился, очистил место и давай из песка золотые лапоточки выковыривать. Много нарыл, больших и маленьких. Только глядит — темней да темней стаёт,— губы закрываются. Денис и смекает:

— Видно, я пожадничал, куда мне столько? Возьму две штуки. Одну Никите на помин, другую себе — и хватит.

Надумался так — губы и раскрылись — выходи, дескать.

С каёлкой по какому хочешь скату вылезти просто.

Прихватится, подтянется— и дальше. Вылез Денис и всю орудию на старо место поставил. Один лапоток, который поменьше, в сапог запря-

тал, а другой, точь-в-точь такой, как у Никиты видел, за пазуху сунул и сразу в Кунгурку пошёл.

Нашёл там тайного купца, про которого разговор был, подкараулил в тихом месте и спрашивает:

— Хочешь к паре купить?

Достал из-за пазухи лапоток да и показывает из своей руки. Купец, понятно, обрадовался:

— Почём золотник?

Денис и говорит:

— Даром отдам, коли укажешь, куда Никиту со старухой запрятал.

Купца, видно, жадность одолела, не поостерёгся и говорит:

— У Мраморского разреза, в старый ширф сбросили.

— Показывай! — говорит Денис.

Пошли. Указал купец:

— Это место!

— Получай тогда! — Денис развернулся и хлоп купца самородкой по лбу.

Самородка-то — она фунтов на пять была. Понимай, что выйдет, коли такой штукой по лбу свистнуть да ещё с полной охотой.

Вскорости этого купца нашли, и золотой лапоток рядом положен — дескать, этой печатью приложено.

Потом из-за этой золотой печатки чуть всех судей не засудили. Каждый, видишь, хотел её себе прикарманить, а другие не давали, жаловались по начальству — такой-то, дескать, вор, грабитель, его по всей строгости судить надо. До той поры это дело тянули, пока до главного судьи не дошли. Тот, понятно, сразу решил:

— Надо, — говорит,— мне эту печатку домой свозить, кислотой опробовать,— точно ли золотая?

Увёз золотой лапоток и сразу его в потайной сундук, а сам взял от старого подсвечника обломок, почистил его маленько, привёз обратно и говорит:

— И рядом с золотом эта штука не лежала.

Все, конечно, видят,— на глазах мошенство сделано, да жаловаться на главного судью не посмели. А он радуется, про себя похваляется:

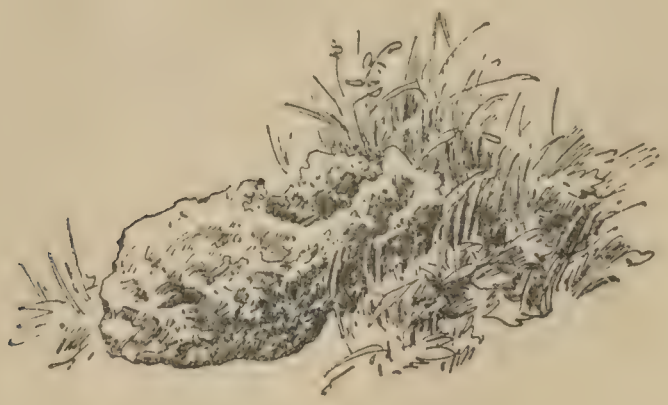
— Ловко я их обставил! Недаром, видно, меня главным судьёй поставили.

Приехал домой и первым делом полез в потайной сундучок, а его видно, проел червячок: ничего нет. Хвать-похвать — найти не может. Был золотой лапоток, а стала сквозная дырка. В горсть её не возьмёшь.

И Дениса тоже, сколько ни искали, найти не могли. Он, видно, в Сибирь, либо куда в другое место подался.

О каменных губах маленько разговаривали, в котором то есть месте искать их. На то намекали, что близко Денисовского рудника, только настояще не знаю.

Чего не знаю, того не знаю, выдумывать не согласен. Привычки к этому нет.



МАЛЕНЬКИЕ ХОЗЯЕВА

К. Махров *Рисунки Е. Гилёвой*

Нина Дмитриевна пришла домой расстроенная. Игорь это сразу же определил по тому, как она положила портфель на диван.

Сели обедать. И вдруг, не доев суп, Нина Дмитриевна встала и подошла к телефону.

— Алло... это товарищ Фёдоров? Это я, Суровцева... Я ещё раз прошу вас: дайте хотя бы... ну, семь тысяч... Что? Почему сначала просила двенадцать тысяч, а теперь только семь? На первое время. Для главных улиц... Искать? Всё обыскали — ни одного кирпичика... Что? Не можете? Нисколько? Да... Ну, что ж, попробуем без вас...

Нина Дмитриевна повесила трубку и, забыв про обед, села за свой рабочий столик и принялась рыться в бумагах.

— Три улицы... По полсотни клумб на каждой. Два фонтана... — говорила она, вглядываясь в чертежи.— По полторы сотни на каждую, да на фонтаны. Ой, много надо! У нас и половины не наберётся.

Игорь смотрел на мать. «Вот оно что: ей надо двенадцать тысяч кирпичей для фонтанов, для клумб». Он живо представил себе шумные красивые фонтаны, большие цветочные клумбы. Словно зубчатый пояс,

окружают их поставленные наискосок и покрашенные белым кирпичи. На всех улицах города, у каждого дома — большие клумбы цветов и этот ослепительно белый пояс из кирпичей. И на площадях — фонтаны... У Игоря дух захватило от этой картины. Вот так бы и побежал и принёс эти кирпичи!

— Игорь,— сказала Нина Дмитриевна.— Я пойду, сынок. У меня сегодня много работы. Эх, Игорёк, Игорёк,— вздохнула она, надевая берет,— хоть бы ты мне помог: достал бы нам кирпичиков... тысчёнок пяток,— пошутила она, легонько обняв сына за плечи.

— А что ж, и достану,— серьёзно сказал Игорь.

— Хорошо,— Нина Дмитриевна продолжала шутить.— Сколько же ты можешь достать? Пять тысяч?

— Да.

— Отлично. Может быть, десять?

— Может быть,— ответил Игорь, обижаясь на мать за то, что она серьёзный разговор превращает в шутку.

— Один будешь доставать?

— Нет, зачем... все ребята.

— Все ребята? Хорошо. Договорок бы надо заключить!

— Ты, мама, не шути,— попросил Игорь.

— Это верно, Игорь, шутить некогда! Надо идти.

Мать ушла. Игорь принялся было за чтение книги, но как ни была интересна книга, читать он не мог. Всё живее, всё ярче вставали в его воображении улицы родного города, утопающие в зелени, в цветах, журчали фонтаны. Но пока ни клумб, ни фонтанов ещё не было. Этот товарищ Фёдоров сказал маме, что кирпича — боя кирпича — он не даст. Не надо. Кирпич найдут они, ребята, пионеры. Да, найдут. И фонтаны будут.

Хорошо бы всё это ускорить, сейчас же приступить к исполнению задуманного.

Он взглянул на часы: четыре часа. Значит, ребята, наверно, дома. Надвинув кепку, он выбежал на улицу. Зашёл к Симе Кротову, к Коле Дивину, составил цепочку по сбору ребят; сам сходил ещё к двум мальчикам и, придя на школьный двор первым, стал думать, как обо всём лучше рассказать ребятам.

Нужно помочь взрослым сделать город красивым. Ребята это примут с радостью. Нужен кирпич. Кирпич есть. Но его придётся таскать на себе: кирпич находится довольно далеко от дороги. Ну что ж, это и будет помощь. Битого кирпича там огромная куча. И уж, конечно, пять-семь тысяч наберётся. А к этим прибавить те, о которых говорил Гена

Севастьянов; он прошлый год ходил с отцом на охоту, и у какой-то станции они видели много кирпичей-лома.

Но где это? У какой станции? Спросить Гену. Но... Вот уже недели две, как Игорь и Гена поссорились. Заспорили о Саньке Коншакове, герое книги «Стожары». Спор разгорелся большой. Наговорили друг другу много обидных слов и с тех пор не заговаривают. Иногда Игорю хотелось подойти к Гене и по-дружески заговорить с ним, но какое-то чувство, смутное и неприятное, удерживало его от этого шага.

Пионеров пришло человек двадцать.

— Ребята,— начал Игорь,— вы видите, как хорошеет наш город, сколько посажено деревьев; улицы стали зелёными. Но ещё лучше, ещё красивей будет наш город. Взрослые хотят...

Игорь рассказал, что хотят сделать взрослые. Говорил он, немного заикаясь от волнения, но то, о чём он говорил, увлекло ребят. Они оживились, зашумели.

— Принесём жёлтого песку, посыплем дорожки у клумб.

— Сделаем из камней разноцветные звездочки, устроим бассейн,— вносили они свои предложения.

Тогда Игорь сказал, что всё это тоже хорошо и надо сделать, но сейчас первая задача — достать кирпичи.

— Кирпичи, ребята, у нас есть,— закончил Игорь.— Знаете за городом, у озера, развалины старой башни?

— Правильно, есть! Там много! — раздались голоса.

— Но этот кирпич надо отобрать, там больше обломков, чем хороших. Надо отобрать и поднести к дороге. А я скажу маме. Она председатель уличного комитета. Она пришлёт машины. Согласны пойти туда, поработать?

— Конечно, согласны! Поработаем!

— Хорошо,— улыбнулся Игорь. И, понизив голос, оглянувшись по сторонам, как это делают, когда хотят сказать что-то особенно секретное, прошептал: — Знаете... Давайте сделаем всё... без всякого шума. Сначала соберём кирпичи, а уже потом попросим машины.

— Правильно! Правильно! — поддержали все.

— Только вот что, ребята. Там кирпича не так много. Пять тысяч мы наберём. А надо бы побольше. Не знаете ли вы, где бы ещё можно было достать?

Ребята задумались. Кое-кто, припоминая, тёр лоб. Нет, они не знают, где ещё можно достать.

— А я знаю,— сказал Игорь,— кто может назвать место, где есть кирпичи.

— Кто? Кто?

— Гена Севастьянов.

Ребята знали, что Игорь и Гена поссорились. Они пытались примирить друзей, но попытки кончились неудачей. Сейчас, когда сам Игорь назвал Гену, всем было неприятно оттого, что они, два друга, два лучших ученика шестого класса, ещё не помирились.

— Ну, что вы молчите? — спросил Игорь.— Я сам, ребята, пойду к Гене, и мы найдём это кирпичное место.

— Вот это правильно! По-пионерски! — вскочил с места Сима Кротов.— Давно бы так!

— Да, я схожу к нему,— повторил Игорь.— Только вы не шумите. Ещё не всё. Нас двадцать человек. Одним нам вся эта работа не по плечу. Всё надо сделать очень быстро. Нужно и другим ребятам сказать. Сима Кротов, ты пойдёшь сейчас к Лизе Громовой. Скажи ей, чтобы она побольше собрала девочек. Коля Дивин, ты пойдёшь к Серёже Петрову, пусть он соберёт всех своих.

— Есть сказать! Выполним! — ответили Сима и Коля.— А где и когда будем собираться, чтобы пойти к озеру?

— Это я уже обдумал. Завтра, в семь часов утра, здесь на школьном, форма — рабочая. Захватить с собой питание на один день.

— Есть на один день! — закричали ребята.

— Тише,— остановил расшумевшихся Игорь.— Вы забыли, что всё это — пока тайна. Итак, расходитесь. Кому дано поручение, выполняйте сейчас же. А я ещё зайду к старшему вожатому. Надо посоветоваться с ним,— дело важное. Вася нам поможет.

Гена Севастьянов, русоволосый, сероглазый, высокий мальчик, сидел на крыльце и решал какую-то шахматную задачу, когда Игорь подошёл к нему.

— Здравствуй, Гена,— подавляя волнение, сказал Игорь.— Я пришёл к тебе по важному делу.

— По какому такому? — протянул Гена насмешливо.

Но в глазах его Игорь видел не насмешку, а радость.

— По какому? Дело большое,— ответил Игорь.— И ты нам поможешь. Всему городу. Мы хотим помочь взрослым. Понимаешь? Будут фонтаны, красивые клумбы... — Игорь передал решение ребят.

— Это вы здорово задумали! — проговорил поражённый Гена.

Схватив Игоря в охапку, он рассмеялся звонко, душевно.

— Ну какие мы глупые, Игорь! Какие глупые! Разругались, надулись, как индюки. А из-за чего? — ерунда какая-то. Смешно и стыдно вспомнить. И спорить-то было не из-за чего: мы оба верно говорили о Саньке Коншакове, только разными словами. И не подумали, что слова-то эти не очень далеки по смыслу друг от друга. Ну, право, глупые.

Они оба весело рассмеялись.

— А знаешь, если бы ты не пришёл, я бы к тебе пришёл,— успокоившись, сказал Гена.— Я без тебя места от скуки не находил. Честное слово!

— И я тоже! — ответил Игорь.— Не будем больше об этом говорить, Гена!

— Так хотите украсить город? — перейдя на серьёзный тон, спросил Гена.— Что же мы будем делать? Меня вы не забыли, поручили мне что-нибудь?

— Нет, не забыли. За тобой приходил Коля Дивин, тебя не было дома. Помнишь, ты говорил про кирпичи? На охоту вы ходили с отцом.

— Кирпичи? Их там много. Лежат вдоль дороги и в кустах.

— Ура! — чуть не во весь голос закричал Игорь.

— Да стой ты! Ведь, наверное, разрешение нужно, чтобы их взять?

— Об этом мы скажем маме, Васе,— они похлопочут. Если нехватит старой башни,— тогда туда. Ты пойдёшь? Зови всех из своего шестого «В».

* * *

Утром на школьном дворе собрались пионеры. Старший вожатый, стройный, подтянутый, подвижной Вася Пчёлин построил всех попарно, и колонна выступила,— тихо, без песен, без шума.

Вот и развалины башни. Горка, покрытая молодыми ёлочками; озеро в мелкой ряби; весёлое солнце. Хорошо! Но любоваться некогда. Не мешкая, пионеры принялись за работу. Они разгребали развалины, выбирали кирпичи и относили их к дороге. Там кирпичи складывали в аккуратные штабеля. Вася ещё по дороге разделил ребят на отряды; и каждый отряд складывал кирпичи в свой штабель.

— Давайте, ребята,— предложил Вася,— соревноваться? Кто больше наберёт?

— Давайте! — поддержали все.

— Ну-ка, Игорь,— заявил Гена,— принимай наш вызов!

— Принимаем. Смотрите, держитесь!

— Сима Кротов, вызываем! — зашумел отряд Коли Дивина.

Работа закипела.

Когда настало время обедать, Вася велел подсчитать, кто сколько набрал кирпичей. Оказалось, у каждого отряда было по шестьсот-семьсот штук. Всего около пяти тысяч. Весть об этом вызвала ликование.

— Ура! Победа! — разносилось по лесу.

Тут же Игорь был послан в расположенный поблизости детдом — позвонить Нине Дмитриевне, чтобы прислала машины за кирпичом.

— Алло! Мама, это ты? Здравствуй, мама!

— Игорь, откуда ты говоришь? Я встала сегодня в четверть восьмого, а тебя уже нет. Куда ты ушёл?

— Мама... Работаем! Здесь, на озере, у детдома. Знаешь? Уже вынесли к дороге около пяти тысяч кирпичей.

— Что, что ты говоришь? Это продолжение вчерашней шутки?

— Я говорю,— повторил Игорь в трубку,— собрали пять тысяч. Высылай машины.

— Молодцы, ребята. Спасибо! — в голосе матери слышалось волнение.

— Мама, мы ещё наберём тысячи две-три. Больше тут, пожалуй, не отыскать. Знаешь что, мама? Возьми разрешение на кирпич, который находится между Боровым и Горной.

— Ладно, сынок, договоримся. Сейчас же начну хлопотать. Машины вышлю.

Восемь тысяч кирпичей лежали у дороги в штабелях, и ребята, сидя на них, шутили и пели песни.

— Вася,— обратился Гена к пионервожатому,— я, пока работал, стихи сложил... Прочесть?

— Замечательно,— сказал Вася,— тише, ребята! Гена читает свои стихи, новые.

И Гена прочитал:

Город наш молодой хорошеет,
Разрастается с каждым днём.
Мы украсим любимый наш город,
Мы цветами его уберём.
Зашумят голубые фонтаны,
И на клумбах цветы расцветут.
Скажут гордо и радостно люди:
— В этом есть и детей наших труд!

— Ай да, Гена! Браво! — аплодируя, приветствовали своего поэта пионеры.

Одна за другой к развалинам башни подкатило несколько машин. Из кабины одного грузовика вышла Нина Дмитриевна.

— Ребята!— воскликнула она, увидев штабеля кирпичей. —Неужели это сделали вы? Это же чудесно! Это же большое дело!

Она восторженно смотрела на ребят.

— Ребята! Я другое хочу сказать. Тут не кирпичи важны. Я уже имею наряд на кирпичи. Теперь я наряд этот отдам. За кирпичи вам спасибо! Но другое меня радует больше. Это — любовь ваша к родному городу, ваше большое, хозяйское чувство. Вот что радует!

Ребята окружили Нину Дмитриевну, говорили все враз, смеялись. Наконец, откинули борты машин, и началась горячая весёлая работа — погрузка кирпичей.

— А с железной дорогой, Игорь,— сказала Нина Дмитриевна,— мы уже договорились. Кирпич нам дали.

— Ребята! — крикнул Игорь.— Поедем завтра к Боровому за кирпичом?

— Поедем, поедем!

В город ребята возвращались на машинах. Ох, и звонко пели они, мчась навстречу ветру!

УБИЙЦЫ

В корейском селе Махам американский офицер застрелил из револьвера трёхлетнюю девочку, которая плакала и тщетно разыскивала своих родителей, угнанных вместе со всем взрослым населением села в неволю.

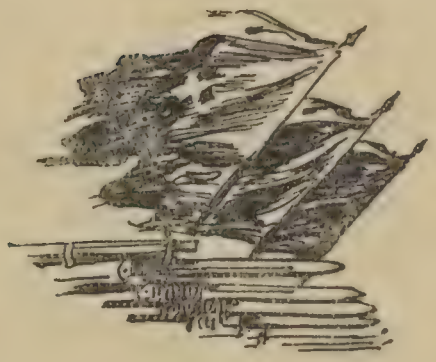
(Из газет)

Евгений Великанов *Рисунки Ф. Васильева*

Трёх лет малютка
Маму ищет.
Глаза в слезах.
Она бежит,
И горький ветер с пепелища
Ей волосёнки шевелит.
Сиротским плачем раздражён,
Берёт ребенка на прицел
Американский офицер,
Какой-то Чарли или Джон,

А, может быть, и тёзка Гарри[1],—
Известной миру грязной твари...
Грохочет выстрел. И дымится
В руке громилы револьвер.
Осклабив рот, идёт убийца —
Американский офицер.
И множат, янки счёт убитых:
Казнят невинных, сёла жгут.
Но только Трумэна бандиты
От правосудья не уйдут!
За всё ответ дадут злодеи:
За слёзы
И сожжённый кров,
За все страдания Кореи
И за малютки этой кровь!

[1] Гарри Трумэн.



Ефим Ружанский *Рисунки В. Васильева*

Я вспоминаю Ленинград,
Блокады страшный год.
Из туч летела бомбой смерть,
Но выстоял народ...

Случилось это в октябре,
В осенний мглистый день.
Обстрел.
Шла девочка.
Над ней
Мелькнула вражья тень.
И пули,
девочке вослед,
Послал фашистский асс...
Не позабыть мне никогда
Её блестящих глаз;
Они горели, как огонь,
Мы в них могли прочесть
Не страх перед врагом, не боль,
А ненависть и месть!

И стала девочка тушить
Пожар, объявший дом...

На вид годов пятнадцать ей.
До пояса коса.
Лицо скуластое чуть-чуть
И серые глаза.
Быть может, девочка тогда
Осталась сиротой?
Но знал я:
станет вся страна
Ей матерью родной.
И твёрдо верилось в те дни,
Что скоро час придёт,
И в нашем солнечном краю
Жизнь ярче зацветёт...

И мир настал.
И славен труд.
Встречай детей, Артек!
За это бился на фронтах
Советский человек.
Пускай отныне навсегда
Повсюду мир царит!..
Но начал новую войну
Разбойный Уолл-стрит.

И вот уже чрез океан
Летит бомбить Пхеньян
Фашистский лётчик США —
Продажная душа.
Расстреливает он детей,
Сжигает города.
За это хорошо ему
Заплатят господа.

Нет, подлый янки,
Расстрелять
Свободу, мир нельзя!
...Журнальный снимок:
цепь руин[1]
И девочка Цун Дзя.

[1] Руины — развалины.

Косички чёрные, как смоль,
Скуластое лицо...
На вид годов пятнадцать ей,
А выглядит бойцом.
Похожа девочка на ту,
Что девять лет назад
Отстаивала от врага
Любимый Ленинград.
И всё такое же вокруг,
Как в тот далёкий день:
Обстрел.
Шла девочка.
Над ней
Мелькнула вражья тень;
И точно так же ей вослед.
Шлёт пули янки-асс...
Не позабыть нам никогда
Её блестящих глаз;
Они большим огнём горят,
И можно в них прочесть
Не боль, не страх перед врагом,
А ненависть и месть.

Хоть из-за тучи вновь и вновь
Разбойники грозят,
И мать убита,
И сама изранена Цун Дзя,—
Без слёз идёт она тушить
Пожар, спасая дом...
Поработить такой народ
Не в силах «мигук ном»![1]

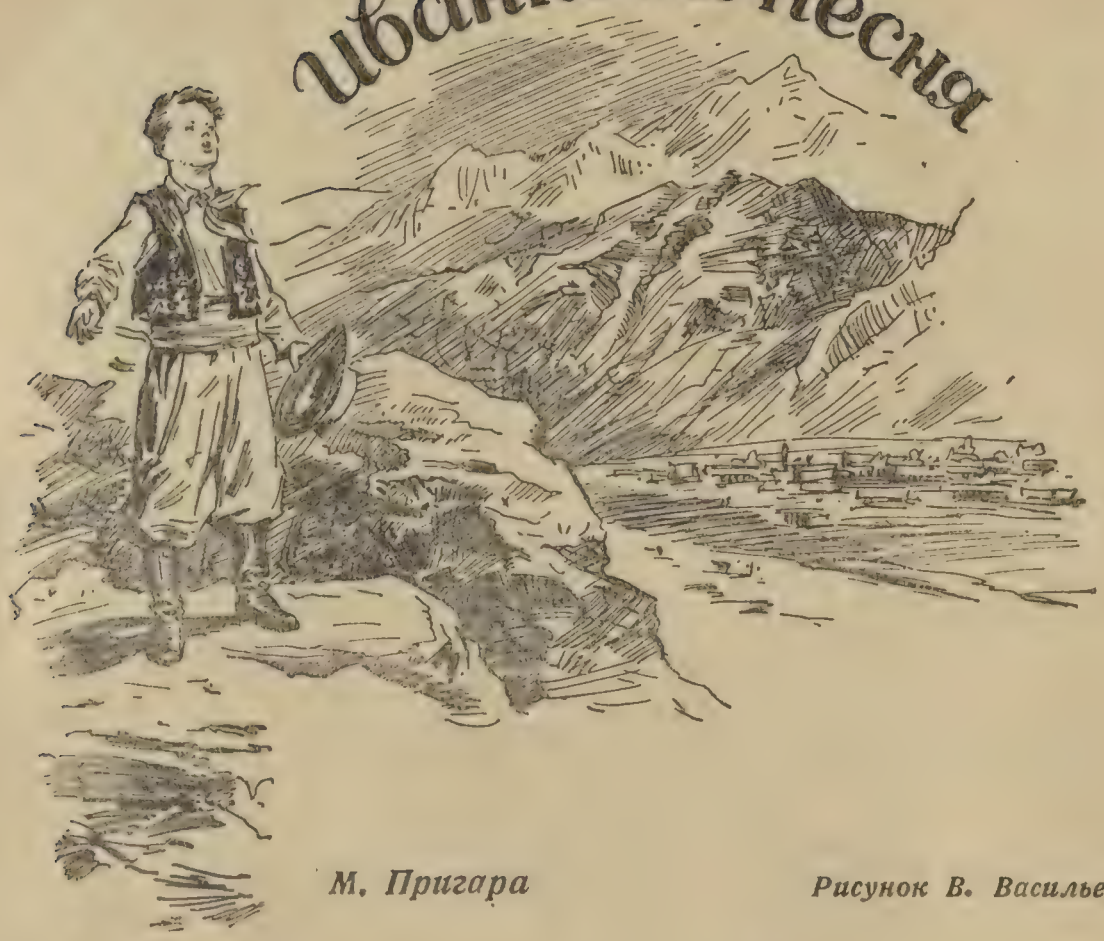
Пусть смерть вокруг,
но верим мы:
Великий день придёт,
В Корее новой будет мир,
И счастье зацветёт.

[1] «Мигук ном» — «проклятый американец» — корейское определение американских интервентов.

Придёт свобода. И труда
Откроется стезя[1],
Построят школы и Артек
Для девочки Цуи Дзя.

[1] Стезя — дорога, старинное славянское слово.

Иванкова песня



М. Пригара *Рисунок В. Васильева*

Где солнце алмазы зажгло на скале,
Поднявшись над пиком высоким,
В Карпатах зелёных, в гуцульском селе
Иванко живёт сероокий.

Он знает, как горной достичь высоты,
Где тёмные в скалах пещеры.
И в школу он ходит, как ходишь и ты,
Он принят, как ты, в пионеры!

И песенки знает Иванко о всём:
О далях, о кручах орлиных,
О том, как овец он колхозных пасёт
Всё лето в зелёных долинах.

Он видит, как тучки в безбрежную гладь
Плывут над шумливым потоком...
Красивые песни он любит слагать
Средь гор на обрыве высоком.

Мечту дорогую Иванко хранит,
Не может той мысли покинуть:
Взойти бы на пик, где орлы и гранит —
Взглянуть бы на всю Буковину!

Струится меж гор аромат и тепло,
Внизу, на равнине, раздолье:
Не клинья наделов (то прочь отошло!) —
Колхоза безмежное поле.

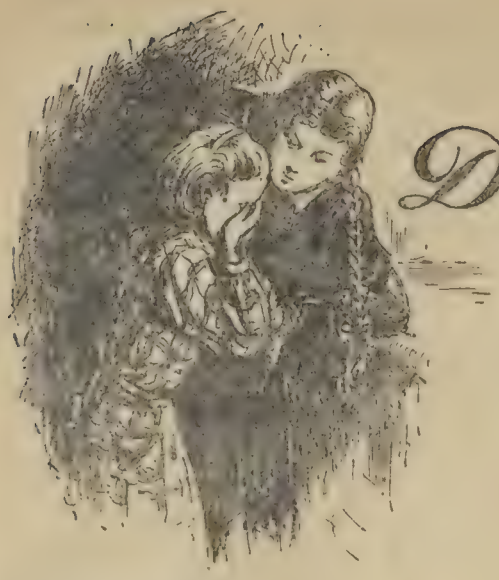
Трёхтонки несутся, гудят трактора,
Комбайны плывут величаво,
И косы стальные сверкнули стократ,
И жнейки рассыпались лавой.

Да, счастлив здесь труд! И радостных дел
Мчит отзвук по взгорьям и далям...
Такую тут песню б Иванко запел,
Чтоб люди внизу услыхали.

Про горы свободные, солнечный путь,
Которым шагает он ныне,
Про счастье людей, что привольно живут
В советской навек Украине.

Пусть светлая песня звенит по земле,
За горный хребет улетая,
Чтоб Сталин родимый услышал в Кремле
Ту песню счастливого края!

Перевод с украинского
Я. НЕМЧИНСКОГО



День рождения

Т. Кузовкина

Рисунки Е. Гилёвой

Новенькая, Шура Емшанова, сидела низко опустив голову, как будто начавшийся урок её не касался. Елена Андреевна мысленно решила, что Шурой нужно заняться особо: она прибыла недавно и, видимо, чувствовала себя чужой среди девочек.

Первой была вызвана синеглазая, с туго заплетёнными косичками, Нина Кравченко, староста класса. Она прочитала условие задачи и подробно объяснила её решение. Учительница ни разу не поправила девочку. Нина получила очередную пятёрку.

— Емшанова!

Некоторые ученицы переглянулись. А узкоглазая чёрненькая соседка Емшановой Соня Ибрагимова от волнения шумно вздохнула.

Шура прочитала пример и замолчала.

Класс насторожился. Предполагая, что Шура смущается, учительница попыталась ободрить её. Она задала Шуре несколько вопросов, но та молчала. Учительница взяла Шурину тетрадь. Примеры не были решены. Елена Андреевна спросила правило, и его Шура не знала. Нахмурившись, учительница обмакнула перо в чернила. Сидевшая на первой парте девочка в очках, не оборачиваясь, вытянула за спиной два пальца. Но и без того все поняли, что Емшанова получила двойку.

Класс не имел ни одной двойки. И вот сегодня она появилась...

Шура шла на место, низко опустив голову, её так и жгли недоброжелательные взгляды. Садясь за парту, она увидела, как соседка Соня отодвинулась от неё на самый край парты.

«Ну и пускай»,— горько подумала Шура, не слыша ни слов учительницы, ни того, что отвечает вызванная ученица. Так просидела она до самого звонка.

Лишь только Елена Андреевна вышла, все зашумели.

Нина Кравченко, которая в первые дни так приветливо расспрашивала Шуру обо всём, сейчас подошла к ней строгая и нахмуренная.

— Почему ты не приготовила урок?

Шура вскинула на нее угрюмые тёмные глаза и ничего не ответила. Тогда подруга Нины, кудрявая пухленькая Аля Петрова сердито сказала:

— Подумаешь, она ещё и разговаривать не хочет. Получила двойку и молчит.

— Воображает! — недовольно вставила Вика.

Шура, неожиданно всхлипнув, быстро выбежала из класса. Ничего не видя из-за слёз, она налетела на стройную девушку с длинными косами. Это была пионервожатая Галя. Остановившись, девушка удивлённо спросила:

— Девочка, ты о чём?

Шура молча метнулась от неё и, припав к подоконнику, продолжала плакать. Галя подошла к ней, обняла её за худенькие плечи и ласково заговорила:

— Ну так что же, всё-таки, случилось? Чем вы её обидели? — обратилась она к девочкам.

В голосе Гали прозвучали нотки осуждения.

— Мы её не обижали, Галя,— горячо заговорила чёрненькая Соня Ибрагимова.

— Она сама двойку получила,— покраснев, добавила Аля.

— И разговаривать не хочет!

— Тише, девочки! Нина, расскажи толком.

— Шура получила двойку по арифметике. Она не выполнила домашнего задания, не сказала правила. Елена Андреевна спрашивала вчера, кому что непонятно, а она промолчала.

— И форму не носит,— вставила Аля Петрова.

— Да, и формы у неё нет,— подтвердила Нина.

— Хорошо, девочки, идите, а я поговорю с Шурой.

* * *

После уроков Елена Андреевна подозвала к себе Шуру.

— Шура, подожди меня. Я хочу с твоей мамой увидеться.

Шура насторожилась.

«Про двойку скажет»,— с внезапной ненавистью подумала она и всю дорогу шла молча, односложно отвечая на вопросы учительницы.

Дверь им открыла Шурина мама, худенькая женщина в мокром синем переднике. Она вопросительно посмотрела на Елену Андреевну.

— Здравствуйте! Я учительница.

Женщина засуетилась.

— Вы пройдите пока в комнату. Я тут малыша своего мою.

В жарко натопленной кухне у плиты в ванночке плескался годовалый карапуз. По полу растекались в разные стороны мыльные лужицы.

Елена Андреевна прошла в комнату, где было очень чисто. На стене висел портрет мужчины с темными строгими глазами.

— Отец? — спросила Елена Андреевна, садясь на предложенный Шурой стул.

Девочка утвердительно кивнула и стала доставать из сундука чистое бельё. Взяв простынку и розовую рубашку, она прошла на кухню. Послышался безутешный плач карапуза, не желавшего вылезать из ванны. Через несколько минут мать внесла розового пухлого мальчика. Елена Андреевна начала расспрашивать о Шурином братишке, словно ради него она и пришла сюда.

Шура, помогая матери, настороженно поглядывала на учительницу: «Ну, что же она не говорит про двойку, ведь за тем же и шла к нам»,— думала она.

Когда Шура вышла в кухню, чтобы подтереть пол, мать спросила:

— Как моя Шура учится, как ведёт себя?

С тряпкой в руке, девочка замерла в ожидании ответа.

— Ничего, привыкает,— услышала она спокойный голос.— Она вам помогает, я вижу?

— А как же иначе! Она мне во всем помощница. Отца у нас теперь нет. Похоронили... Я на работу поступила. Сынишку в ясли устроила. Все эти дни хлопотала, а Шура с братишкой домовничала.

— Вы ей на уроки всё-таки время оставляйте. Сейчас уже третья четверть — надо и старое повторять, и новое не запускать...

О чем они говорили ещё, Шура не слышала, так как раскапризничался братишка, а когда он стих, учительница уже прощалась.

— До свиданья, Шура,— сказала Елена Андреевна, остановившись около девочки и внимательно посмотрев в её вспыхнувшее лицо.

— До свиданья! — тихо отозвалась Шура.

Елена Андреевна пришла в 4 «а» задолго до звонка. В классе уже было несколько учениц. Елена Андреевна сказала:

— Девочки, новенькая наша, Шура, отстала, и мы все должны ей помочь. Мне кажется, что Шура всё ещё чувствует себя чужой. Это нехорошо. Подружитесь с нею. В понедельник у Шуры день рождения. Надо её поздравить, что-нибудь подарить.

Девочки почувствовали себя виноватыми перед новенькой. В перемены они старались, чтобы Шура не оставалась одна, и никто из них не упомянул больше о двойке.

После уроков Аля, Вика, Нина и Соня Ибрагимова остались в пионерской комнате.

— Надо что-то подарить Шуре в день рождения,— решительно сказала Вика.

— Конечно, надо, только вот что? — задумчиво спросила синеглазая Нина.

— Я не знаю, девочки, вот у меня два фартука... — сказала Аля.

Нина обрадованно хлопнула в ладоши.

— Правильно. А у меня есть коричневое платье, которое мне коротковато.

Соня Ибрагимова, смущаясь, предложила:

— У меня нечего подарить, но я могу ей вышить воротнички и нарукавники.

— И я что-нибудь найду. Это будет очень хорошо. Знаете, что мы сделаем...— Вика, наклонившись, зашептала что-то подругам, хотя в комнате, кроме них, никого не было.

В это время вошла пионервожатая Галя.

— Это что за секреты? — улыбнулась она, увидев, как все вздрогнули. От Гали не могло быть секретов. Девочки ей рассказали о своём плане.

— А она не обидится, ведь всё-таки не всё новое? — усомнилась Нина.

— Нет, девочки. Вы поступаете правильно,— ободрила их Галя.

* * *

Шура поднималась по широкой лестнице, щурясь от весёлых солнечных зайчиков, прыгавших из окна на блестящий коричневый пол. Как красиво в школе! Как светло, какие огромные окна! Как много цветов и картин! Вот «Товарищ Сталин среди пионеров». Иосиф Виссарионович положил руку на плечо девочки Шуриных лет и с улыбкой слушает, что она говорит.

«Счастливая»,— вздохнула Шура, а потом подумала, что вероятно,

девочка эта очень хорошо училась и ещё сделала что-то такое большое, если Иосиф Виссарионович с ней так ласково разговаривает.

Шура стала подниматься быстрее. Да, надо и ей лучше учиться. Обязательно! Вчера Елена Андреевна положила перед нею задачник и географию,— книги, которых у Шуры не было,— и сказала:

— Это тебе.

Елена Андреевна каждый день оставляет Шуру после уроков и заново объясняет ей правила по арифметике, решение задач. Вот и вчера Шура решала задачу. Наклонясь над тетрадью, она старательно писала, а учительница, похаживая по классу, говорила:

— Не горбись, сиди свободнее.

Шуре было и хорошо — она поняла правило и легко решила задачу,— и вместе с тем стыдно,— она знала, что Елену Андреевну ждут дома, а ей приходится задерживаться из-за Шуры.

Все эти дни девочка упорно занималась.

Сегодня день её рождения. В школу она шла, тщательно выполнив все домашние задания. На душе было светло и радостно от этого и теплилась надежда, что Елена Андреевна спросит ее и двойки в журнале больше не будет.

Шура вошла в класс. На доске крупным красивым почерком было написано: «Шура! Поздравляем тебя с днём рождения. Желаем успехов в учёбе».

Не успела Шура опомниться, как подруги окружили её, целовали, жали ей руки...

Первый год она встречает свой день рождения без папы, в новом городе. Она думала, что ей будет очень одиноко в этот день. Но откуда же девочки узнали? Ах, да, Галя, пионервожатая... Только ей рассказала девочка всю свою маленькую жизнь.

Зазвенел звонок.

Ученицы быстро заняли свои места, и когда вошла Елена Андреевна, дежурная встала и сказала громко, отчётливо: — В классе все. Сейчас у нас урок арифметики. Нужно было решить задачу 280 и пять примеров.

Учительница взяла журнал и вызвала:

— Емшанова!

И опять, как неделю назад, класс оживился, волнуясь за Шуру.

«Одни сутки, шесть часов, 10 минут»,— писала Шура.

Задача решена, но Елена Андреевна продиктовала ещё несколько примеров, которые Шура тоже решила. Спросив правило, учительница взглянула на Шуру и поставила в журнал оценку. Вика, увидев отмет-

ку, показала за спиной пять пальцев и не удержалась, чтобы не шепнуть: «пятёрка».

Елена Андреевна улыбнулась.

— Да, девочки, Шура получила заслуженную пятёрку. Сегодня у неё день рождения. Желаю тебе, Шура, чтобы ты всегда отвечала мне так, как сегодня.

После уроков девочки поднесли Шуре подарки: Нина — коричневое платье; Аля — фартук, Вика — чулки; а Соня Ибрагимова вышила для Шуры воротнички и нарукавнички.

— Жаль только, галстук старый у тебя,— заметила Нина.

Но тут в класс вошла пионервожатая Галя. В руках она держала новенький лёгкий шёлковый галстук.

— Это тебе от меня. Носи его с честью,— сказала Галя.

Шура, взволнованная, растерянная, счастливая, благодарила всех.

Е. Фейерабенд *Рисунки М. Щировского*

В траве на краю лужайки
Сидит над рекой рыбак.
А рыба хитра — поймай-ка,
Не хочет клевать никак.

Пришёл он — так солнце грело,
Теперь запылал закат.
Но это плохое дело:
Ни с чем уходить назад.

Рыбацкий велит обычай —
И должно его блюсти —
Шагать от реки с добычей,
Сверкающих рыб нести.

Он держит сейчас экзамен:
Впервые здесь без отца.
Над удочкой мальчик замер,
Не хочет поднять лица.

Плывёт от реки прохлада.
Комар на закате зол.
А он, затаив досаду,
Сидел и домой не шёл.

Все рыбы куда-то делись.
Поймать бы хотя одну.
И вдруг глаза загорелись:
Пошёл поплавок ко дну...

Совсем догорает зорька,
Сильней шуршат камыши.
Давно в жестяном ведёрке
Затеяли бой ерши.

Азарт охватил парнишку.
Удаче дивясь своей,
Почти что без передышки
Насаживает червей.

И всё-то вокруг, как в сказке,
И словно полны чудес
Узоры зелёной ряски,
Совсем задремавший лес.

НЕЛЁГКАЯ ПОБЕДА

А. Перегудов *Рисунки В. Воловича*

Из логова, вырытого под большим бурым камнем, был виден кусочек тёмного неба; в нём голубой искрой мерцала звезда. Когда звезда скрылась, а небо стало фиолетовым, волчиха вылезла из-под камня. Внизу овраг был полон мутно-сизой мглы, но на противоположном его берегу в светлеющем небе чётко обозначились шапки сосен. Волчиха выгнула спину, потянулась и лёгкими прыжками спустилась на дно оврага. Она бежала рысцой и ловила запахи, наплывающие со всех сторон. Эти запахи были обыденны и не возбуждали волчиху. Но вдруг в её ноздри ударил запах пищи. Она резко остановила бег, замерла, потом начала подкрадываться к кусту орешника. Она осторожно переставляла лапы и почти стлалась по земле, сдерживая дрожь нетерпения. Всё её тело напружинилось, готовое к стремительному прыжку.

Из-под куста мягко выпрыгнул зайчонок, насторожил уши и в ужасе пустился наутек. Волчиха бросилась за ним. Она догнала его возле устья оврага, и могучие её челюсти мгновенно сплющили голову зверька. Она быстро и жадно сожрала его вместе с костями и шкуркой, вылизала пятно крови на прошлогодней жёлтой траве и вышла из оврага.

На пригорке, возле березняка, находился тетеревиный ток. Несколько косачей, распустив хвост и крылья, ходили по земле, яростно бормо-

тали и чуфыкали, вызывая на бой соперников. Два косача дрались, сшибаясь грудью и роняя перья. На берёзках сидели тетёрки. Одна из них заметила волчиху, тревожно заквохтала и, шумно хлопая крыльями, снялась с дерева. Она вспугнула ток, и когда волчиха выбежала на пригорок, — птицы уже улетели. Волчиха, рыская по пригорку, обнюхала свежие следы, перья и помёт птиц, потом краем чернолесья направилась к поросшей ивняком мочажине[1].

Узкий и грязный просёлок пролегал за мочажиной, рассекая молодой лесок. Приближаясь к нему, волчиха услыхала звуки, не похожие на голоса обитателей лугов, полей и леса. Они говорили об опасности, и волчиха затаилась под кустом. Лёжа на брюхе, она настороженно смотрела на дорогу сквозь частую сетку ветвей. На просёлке показались люди. Один из них был пожилой, в сером ватнике, другой — подросток, в черной куртке, с сумкой за плечами.

Подросток рассказывал спутнику о смерти своей матери, о том, что остался один, а тот, утешая его, говорил: «Не печалься, племянник, ты у нас вместо сына будешь». Отрывистые голоса людей пугали волчиху. Ей казалось, что люди ищут её, и когда они приблизились к ней, она вскочила и метнулась через дорогу.

— Волк! — воскликнул подросток и остановился.

— Волк,— удивлённо подтвердил пожилой.— Откуда бы ему взяться? В наших местах о волках не слышно.

А напуганная волчиха быстро уносилась в лесные чащи.

2

Новая жизнь началась у Мити с того дня, как дядя Аким Семёнович встретил его на станции и привёл в свой дом. Тётя Паша радушно приняла племянника, в колхозе нашлась для него работа: Митю назначили конюхом в помощь Акиму Семёновичу. На просторном конном дворе, в конюшнях и сеновалах подросток скоро освоился. Руководимый дядей, через неделю Митя уже знал, как надо чистить лошадей, сколько и какого корма задавать каждому коню. Постепенно открывались ему характер и привычки лошадей и вместе с этим вырабатывался особый подход к каждой из них. Сердитый жеребец Быстрый требовал сурового окрика. Весёлая кобылка Стрелка просила ласки. Воронок любил, когда чесали ему холку. Яркий, играючи, норовил схватить зубами за плечо, и это сначала пугало Митю. Ветка беспокойно косила глазом и настораживала уши, когда в первые дни работы подросток подходил к её же-

[1] Мочажина — лощина, где скапливается весенняя вода.

ребёнку. Этот, дымчатой масти, тонконогий жеребёнок Ветерок, был самым любимым из всех четвероногих обитателей конного двора. Митя ухаживал за ним больше, чем за другими лошадьми, расчёсывал темную его гривку, до лоска наглаживая шерсть, и часто выпускал Ветерка побегать по двору. Любуясь жеребёнком, мальчик говорил дяде:

— Хороший конь, будет, машистый...

Дядя улыбался.

— Справедливо рассуждаете, Дмитрий Егорович.

— Умный,— хвалил Митя любимца.

— Пока особого ума не видать, а растёт быстро.

И в самом деле, Ветерок заметно подрастал. Пружинистей и сильней делались его ноги, исчезла смешная неуклюжесть, и все движения его становились осмысленнее и твёрже.

* * *

Весна, одев деревья и кусты зеленью, покрыв луга сочными травами и цветами, перешла в лето. В лесу замолчали кукушки, в кустах у речки Березянки затихли соловьи. Появились оводы и слепни. Лошадей начали выгонять в ночное. На заходе солнца Митя садился верхом на Стрелку и гнал колхозный табун к реке. С Березянки тянуло сыростью, благоухали цветущие травы, в них неугомонно скрипел коростель. Лошади звучно щипали траву, мирно фыркали; убежавший в луга Ветерок тревожно и звонко призывал мать, и Ветка отзывалась ему коротким и ласковым ржанием. Митя сидел у костра, любуясь красотой ночи.

Утром Митя гнал отдохнувших и сытых лошадей домой по росистому лугу.

3

В лесу всё меньше и меньше становилось пищи. В птичьих гнёздах не было яиц, молодые птицы научились летать, а выросшие и окрепшие зайчата стремительным бегом спасались от преследования волчихи. Она пожирала ящериц, ужей, лягушек, но хотела мяса. И, несмотря на боязнь человека, волчиха всё чаще подходила к людскому жилью, и ей иногда удавалось зарезать отбившуюся от стада овцу.

В одну августовскую ночь волчиха вышла на охоту, когда ещё не занималась заря. С вечера прошёл дождь, лес был глух, влажен, полон тумана. В тумане обозначались деревья, и серой тенью мелькала между ними волчиха. Она бежала в ту сторону, где несколько дней назад, недалеко от деревни, ей удалось убить ягнёнка. Пересекая поляны, заросли и мочажины, она выскочила на опушку мелколесья и остановилась. На

лугу, покрытом туманом, тускло светился красный огонёк, и чуткие ноздри зверя уловили горький запах дыма. Было слышно, как фыркали лошади, игриво и нежно прозвучал голос жеребёнка. Припадая к мокрой траве, волчиха подкралась к табуну и затаилась под кустом.

У огня сидел человек. Следя за ним, она не спускала взгляда с жеребёнка: он то отходил от лежащей белой лошади, то снова приближался к ней. Человек иногда приподнимал голову и посматривал на лошадей, и в эти минуты волчихе казалось, что он почувствовал её присутствие, и она напрягала мускулы, готовая вскочить и убежать. Но Митя и не подозревал о близости хищника. Спокойны и мирны были его мысли. Думал он о дяде Акиме и тёте Паше, принявших его в свою семью, думал о лошадях и о своей работе.

Насытившиеся лошади лежали на лугу, только Быстрый и Кореш ок, медленно переступая, выбирали вкусные травинки и изредка недовольно фыркали, когда попадалась не та трава, какую им хотелось. А Ветерку хотелось поиграть: он подходил к матери, толкал её мордой в живот, но Ветка не вставала. Ветерок подбежал к Быстрому. Сердитый жеребец всхрапнул и пытался укусить жеребёнка за холку. Ветерок испуганно отпрянул и вскачь отбежал к кустам. Там он остановился, тихо и обиженно позвал мать.

Митя поднял голову и увидел большую собаку. Она прыгала около жеребёнка, отгоняла его от лошадей и как будто играла с ним. Сначала Мите показалось, что это Цыган, дворовый пёс соседей, но Цыган, играя с лошадьми, всегда лаял, а эта прыгала молча. Подросток хотел встать, но не успел, как случилось неожиданное и страшное: собака кинулась под морду Ветерка, и жеребёнок рухнул на землю. Митя вскочил, закричал, и почти в тот же момент словно невидимый бич жестоко хлестнул Быстрого. Он дико взвизгнул, бросился к кустам и передними ногами пытался ударить собаку, а она, всё так же молча, увёртывалась от его ударов. Продолжая кричать, мальчик побежал к жеребёнку, и собака юркнула в кусты. Из разорванного горла Ветерка хлестала кровь, задние ноги его бились, будто хотел он вскочить с земли и резво промчаться по мокрому, покрытому туманом лугу...

Митя схватился за голову, застонал и бросился на холодную траву рядом со своим любимцем.

4

Больше месяца прошло с того дня, как погиб Ветерок, но Митя всё ещё горевал о нём. Часто вспоминал он весёлого и резвого жеребёнка, и хотя не был повинен в его смерти — упрекал себя: не сберёг, не выра-

стил Ветерка. Хмурились брови подростка, и сурово смотрел он исподлобья, когда разговор заходил о волках: среди этих хищников был личный его враг, убивший любимого Ветерка.

Однажды Аким Семёнович ездил в лес за слёгами и, вернувшись, сказал племяннику, что недалеко от оврага он встретил волчиху.

— Это она озоруничает, она и нашего жеребёнка прикончила,— убеждённо говорил Аким Семёнович.— А волчиха эта пришлая. Согнало её что-нибудь со старого места, и забежала она в наши края. Эх, нет в нашем колхозе волчатников!

Аким Семёнович вспомнил умершего брата, который в молодости охотился на волков. Узнав, что у дяди осталась от брата тульская двустволка с запасом пороха и картечи, Митя просил дать ему ружьё. Таким простым делом казалось пойти в лес, встретить волчиху и выстрелить в неё.

Аким Семёнович качал головой и снисходительно улыбался.

Вечером, задав лошадям корму и заперев конюшни, Митя опять заговорил о ружье.

Тётя Паша собирала ужинать, резала хлеб, стучала ухватами у печки. Дядя зашивал лопнувший шов у хомута. Он сидел на табуретке под электрической лампочкой, широко расставив ноги и положив на колени хомут. Большие круглые очки странно изменяли лицо Акима Семёновича, глаза его поблескивали за стёклышками, и когда он посматривал на племянника,— не мог понять Митя: серьёзно слушает дядя или посмеивается над ним. Но так горячо просил он доверить ему двустволку, что тётя Паша поддержала племянника:

— Дай ты ему ружьё,— парню шестнадцатый год пошёл,— может, и впрямь убьёт волка.

Аким Семёнович промолчал, но, зашив хомут, похлопал племянника по плечу, и Митя понял: ружьё у него будет.

5

В свободное от работы время Митя стал уходить в лес. В лесу он шёл, настороженно прислушиваясь и зорко посматривая по сторонам. Держа двустволку в руках, он быстро поворачивался на каждый шорох, звук обломившегося сучка, упавшей с ели шишки. Каждую минуту ожидал: вот-вот встретит он своего врага, но волчиха не попадалась. Проходил час, полтора, и внимание Мити ослабевало, руки уставали держать ружьё. Он закидывал его за плечи и, уже не соблюдая осторожности, шагал по лесу.

— Без толку ноги бьёшь,— говорил ему дядя.— В лесу волка найти — это всё равно, что в копне сена иголку отыскать.

— Да ведь ты встретил,— упорствовал Митя.

— Случайно. Волк лучше человека видит и слышит, он тебя раньше учует и уйдёт.

Но в один из ненастных ноябрьских дней эта встреча произошла. Печален и глух был лес. Голые стояли березы, осины, кусты орешника, и только башенки елей и высокие шатры сосен зеленели по-летнему. Над полянами и мочажинами лежали пласты холодного тумана. Мелкий, как бисер, дождь сеялся с низко опустившегося неба. У Мити промокли ноги. Засунув озябшие руки в рукава, он устало шагал по краю оврага. И вдруг на противоположный край, словно из-под земли, выскочила волчиха и скрылась в чаще. Заколотилось сердце, и сразу пропала усталость. Подросток сорвал со спины ружьё и, замерев, не спускал взгляда с большого бурого камня. Но так глухо и тихо было вокруг, так долго стоял он, судорожно сжимая двустволку, что начинало казаться, не померещилась ли ему волчиха. Он осторожно перешёл овраг и под камнем увидел большую нору. Обозлённый неудачей, полный ненависти к своему врагу, Митя два раза выстрелил в волчье логово. Глухо громыхнул лес, и сизое облачко дыма долго висело в сыром воздухе...

Митя вернулся домой возбуждённый, но Аким Семёнович, узнав, что произошло в лесу, безнадёжно махнул рукой.

— Я же говорил тебе: волчиха учует и уйдёт. А теперь она и логово своё забросит, другое сделает. Нет, так волка не добыть!

Он рассказал, как охотился на волков брат. Зимой в лесу волкам мало поживы, голод гонит их к деревням, и начнут они смелее рыскать вокруг дворов. Вот в такое-то суровое время, морозными ночами, охотник и подкарауливал волков. Клал он на задворках падаль и сидел в укромном месте, ждал, когда подойдут хищники.

— Но только на это большое терпение надо,— закончил свой рассказ дядя.— Бывало, много ночей брат понапрасну просиживал — не подходят волки.

— Терпения у меня хватит,— упрямо ответил Митя.

И стал ждать наступления зимы.

6

Старая, полуразрушенная баня стояла на краю деревни. Из маленького её оконца было видно широкое, покрытое снегом поле. За полем серой грядой лежало мелколесье. Больше недели сидел Митя ночами в

бане, караулил волчиху. Шагах в сорока от него темнело на снегу расплывчатое пятно. И каждую ночь Митя представлял себе, как из леса выходит волчиха, легко пересекает поле и, зачуяв запах дохлого барана, начинает приближаться к нему. Но уплывали ночи одна за другой, а волчиха не приходила. На рассвете, продрогший, бежал Митя домой, залезал на печь под овчинный тулуп и, едва успевал согреться и заснуть, Аким Семёнович будил его: пора было завтракать и отправляться на конный двор.

Днями Митя ходил, пересиливая дрёму. Вечерами спал три-четыре часа, а после ужина надевал полушубок, валенки, шапку-ушанку, брал ружьё и отправлялся на край деревни. Похудел, осунулся он за эти дни. Но упрямо сдвигались его брови, когда дядя говорил:

— Брось ты понапрасну мучить себя! А то отберу я у тебя ружьё.

Однажды такая бурная и холодная была ночь, что Митя вернулся домой около полуночи. Утром побежал посмотреть, цела ли приманка. Приманка исчезла.

Митя был в отчаянии: волчиха подходила к бане, а он, не выдержав ветра и холода, ушёл домой. Узнает об этом дядя и посмеётся над ним: «Эх ты, волчатник!»

Но дядя не посмеялся, а, утешая племянника, сказал: — Нашла она на этом месте добычу — опять придёт. Хорошо, что ты половину барана положил, а то и приманки у тебя не осталось бы. А падаль надо бы водой облить, к земле приморозить — тогда не утащила бы. Как же ты не догадался?

* * *

...Три дня буйно играл ветер, играла позёмка. В лесу качались деревья, ломались сучья и, падая, стучали о ветки. Эти стуки пугали волчиху, ей чудилось, что под каждым кустом грозит ей опасность. Она забиралась в чащу, куда не проникали холодные, стремительно несущиеся струи воздуха, и, закрыв глаза, подолгу неподвижно лежала. Но голод поднимал её, и она бежала разыскивать пищу. Волчица подходила к деревне, рыскала вокруг изб и дворов. В бурные ночи избы казались мёртвыми, покинутыми людьми, но хлевы пахли раздражающим запахом навоза и скота. Эти запахи сильнее возбуждали голод, и волчиха лязгала зубами, хватала пастью снег, тщетно рыла его под воротами, стараясь забраться во двор.

Наконец, ветер утих, прекратилась позёмка.

Волчиха бежала берегом реки, потом свернула на луг; здесь в туманное летнее утро она убила жеребёнка. Но она не узнала этого

места: голыми стояли кусты, и луг был холодным и белым. За мелколесьем открылось поле, такое же пустое и белое. На противоположном его краю, под россыпью звёзд темнели избы. Оттуда долетал лай собаки. Волчиха подняла морду и потянула ноздрями воздух. Она не поймала никаких запахов, но лай собаки напомнил ей о мясе, которое нашла она возле деревни.

Приближаясь к маленькой, покосившейся избушке, стоявшей поодаль от дворов, волчиха заметила на снегу что-то тёмное, и предчувствие опасности заставило её насторожиться. Она остановилась, не решаясь двинуться дальше. Но ничего враждебного не заметила волчиха. Она сделала несколько шагов, и вдруг её ноздри уловили сладкий запах падали. Голод толкал её вперёд. Сдерживая себя, она легла и долго смотрела на падаль, на избушку, окидывала взглядом поле. В пустом поле на снегу блестели голубые искорки, от избушки косо падала лиловая тень, не доносилось ни малейшего шороха. Волчиха проползла на брюхе несколько шагов и опять замерла, зорко смотря и насторожённо слушая. Таким раздражающим был запах, такой спокойной казалась тишина ночи, что волчица сорвалась с места и бросилась к пище. Но не успела она рвануть мяса — из оконца избушки метнулся огонь и раздался оглушающий грохот...

7

Митя шумно вбежал в избу, бросился к печке и остановился, не решаясь разбудить дядю. Но дядя проснулся, недовольно пробурчал:

— Что ты по ночам колобродишь: сам не спишь и людям не даёшь. Отберу у тебя ружьё.

Митя взволнованно зашептал:

— Убил!.. Дядя Аким, я волчиху убил.

С печки свесилась голова Акима Семёновича:

— Ври больше!

Дядя опустил ноги на коник[1]:

— Где она?

— За деревней у бани лежит.

— Надо привезти, а то собаки не порвали бы.

Он торопливо начал одеваться.

На дворе они взяли санки и быстро пошли по улице. Митя возбуждённо рассказывал, как сидел он в бане и как заколотилось у него сердце, когда из мелколесья вышла волчиха. Несколько раз он повторил:

[1] Коник — в крестьянских избах скамья, с находящимся под ней ящиком.

— Ка-ак она кинулась на приманку, а я ка-ак ударил в неё: раз!.. два!.. Готово!

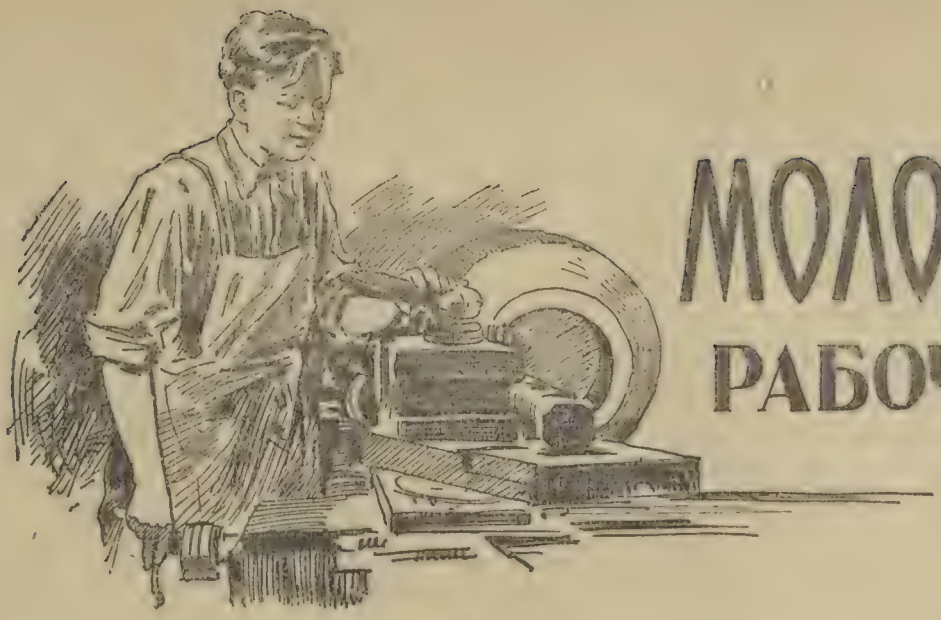
Волчиха лежала у падали, запрокинув лобастую голову, оскалив страшные зубы. Под ней темнело, застывая на снегу, пятно.

Дядя ткнул валенком в брюхо волчихи, и всё ещё удивляясь, что такого матёрого и сильного зверя мог убить племянник, восхищённо произнёс:

— Скажи, пожалуйста: добился своего!.. Вот разговору завтра будет!

— Поговорят! — Митя хотел сказать солидно, как подобает настоящему волчатнику, но не мог сдержать улыбки и переполнявшей его радости:— Ка-ак я в неё выстрелил... Готово!..

Он помогал дяде везти санки, часто оборачивался, посматривая на убитого хищника. В памяти его возникали: апрельское раннее утро, когда впервые увидал он волчиху, смерть Ветерка, долгие ночные часы, проведённые в старой бане, и тот сладостный миг, когда тишину морозной ночи расколол его меткий выстрел, и мертвый враг распростёрся на серебряном поле. Необыкновенной казалась ему эта ночь, заворожённая фосфорическим светом луны, избы в огромных белых шапках, старые ветлы, густо опушённые инеем, вспыхивающие голубыми и розовыми блёстками.



МОЛОДОЙ РАБОЧИЙ

М. Найдич *Рисунок В. Васильева*

Окончил школу он совсем недавно
И незавидный рост у паренька,
А если посмотреть, так очень славно
Работает у своего станка.

Такие нам встречаются нередко,—
Хоть озорной в глазах ребячьих свет,
Но, выполнив досрочно пятилетку,
Он сразу станет старше на пять лет.

Серьёзный станет. Только будет снова
На стадион с ребятами ходить:
Тому, кто закалён и тренирован,
Работать легче, веселее жить.

Ему всегда сопутствует удача —
Недаром он в труде неутомим...
Свою шестую норму токарь начал,
И время отступает перед ним!

Рыжий Нат

О. Коряков *Рисунки Е. Гилёвой*

Этого имени побаивались не только девочки, но и мальчики почти всего квартала. Только Петя Синцов, хмурый и самоуверенный парнишка, не трепетал перед ним. Он просто-напросто произносил такое слово, от которого грозность Рыжего Ната улетучивалась. Это было слово «девчонка».

Дело в том, что Рыжий Нат действительно была обычной десятилетней девочкой. У неё было круглое веснушчатое лицо, маленький вздёрнутый носик, светлые брови и такого же цвета тоненькие косички. Но она не хотела признавать ничего «девчонковского», а признавала только «мальчишеское». Она даже переделала своё имя. Её настоящее имя было Наташа, а она называла себя Нат.

К своим куклам Нат не притрагивалась вот уже года три. За иголку она не бралась, пока не увидела однажды, что отец ловко пришивает к пиджаку пуговицу.

— Папа, разве мужчины это делают?

— А ты думаешь, солдатам мамы или няньки починяют одежду?

С тех пор и Нат стала вдевать нитку в иглу.

Что она признавала из «женских» дел, так это нянчиться со своим годовалым братом Никиткой. Никитка был забавным парнишкой, и возиться с ним доставляло Нату удовольствие. Заставить же её вымыть посуду или сварить кашу было делом нелёгким. Зато она любила колоть дрова и охотно выполняла другие «мужские» работы по хозяйству.

Лазать по заборам так, как лазала Нат, никто не умел. Из рогатки она стреляла лучше всех. А драться с ней было вообще невозможно. Она не визжала, как другие девочки, не царапалась и, тем более, не плакала.

Сухими, но крепкими кулачками она быстро-быстро дубасила своего противника до тех пор, пока он не признавал себя побеждённым. Все мальчишки боялись Ната и её кулаков.

Однако перед Петей Синцовым она позорно пасовала. Это был невысокий чёрненький мальчик. Он жил в одном доме с Натом. Петя мало бегал, не любил подвижных игр, и часто его можно было видеть насупленным, поглощённым какой-то думой. Видимо, поэтому ребята считали, что Петя зазнаётся. Он то высчитывал что-то, то принимался чертить, а летними днями забирался в сарай и там пилил, строгал и резал, мастеря какие-то сложные, но мало понятные машины. Это был тихий, старательный паренёк, и, однако, Нат оказывалась перед ним бессильной. Стоило ему сказать сквозь зубы своё презрительное «девчонка!», как всё могущество её рассыпалось в прах. А называл он её не Натом, а Наташей.

Хорошо ещё, что с Петей Синцовым Нат сталкивалась редко. Она просто избегала этих встреч. Пусть он там себе мудрит, высчитывает, строгает. Собрав около себя стайку подруг и товарищей, Нат верховодила среди них.

В это летнее утро Нат, выйдя во двор, потребовала у своего адъютанта Юры, чтобы он притащил лук и стрелы. Они хранились у него. Юра — коротконогий толстенький мальчуган, без ума преданный Нату, которая была года на два старше его, быстрой рысью, вперевалку, как медвежонок, помчался выполнять приказание. Лук и стрелы — значит будет игра в войну!

Тем временем Нат по лестнице, приставленной к сараю, взобралась на крышу. Размахивая большой берёзовой веткой, она звонко закричала: «Э-ге-э-эй!». Это означало: «Мальчишки и девчонки, сюда!».

Яркое белое солнце катилось между облаками в далёкую голубую высь. Знойные лучи позолотили рыжую головку, и блестящие, как металл, волосы, выбившиеся из кос, тянулись по ветру к солнцу. В сером платьице, лёгкая и стройная, Нат была, как птица на высоком утёсе. Казалось, сейчас, вот сейчас она кинется стремительно в воздух, звонко крича призывное задорное «Э-ге-э-эй»!

Сигнала словно ждали. Не успела Нат спуститься на землю, а во дворе уже собралась почти вся боевая компания: белобрысые сестры-толстушки Соня и Шура, Витя Козоедов, Боря-Свистун и Юра. Витя прискакал на палочке и сейчас лихо гарцовал перед друзьями, показывая, какой у него прыткий и послушный «конь». Боря ковырял щепкой землю и насвистывал что-то.

— Смотрите! — крикнула Нат и, не держась руками за лестницу, стала прыгать вниз с перекладины на перекладину.

— О-ой! — удивилась Соня испуганно и восторженно, а Боря даже бросил щепку. Но когда Нат спрыгнула на землю, он сказал:

— А я вверх ногами могу. Только сейчас не могу: сейчас на мне штаны новые.

— А знаете что? Давайте играть в войну,— предложила Шура.— Пусть Боря будет Трумэном, а Соня и Юра — его солдаты. А мы будем корейские партизаны.

— Ты чего на меня ругаешься? — обиделся Боря.— Сама и будь Трумэном, если хочешь.

— Не буду я солдатом,— сказала Соня и громко засопела. Она всегда сопела, когда смущалась или была чем-нибудь недовольна.

— Хватит спорить,— строго сказала Нат. — Мы в войну больше играть не будем. Мама не велит. Потому что позавчера воевали и окно разбили. Понятно? Мы сейчас в тайгу играть будем. Тайга — знаете что?

— Подумаешь! Все знают,— ответил за приятелей Витя, останавливая своего «скакуна».— Это где дикий лес и медведи. Что, скажешь нет?

— И не только медведи. Там бывают рыси, белки и разные другие звери и животные. А ходить по тайге очень трудно, потому что кругом деревья и ничего не видно. Понятно?

— А как же мы будем играть, если деревья? Тут, во дворе, только три берёзы и сирень.

— Ты, Витька, поперёшный,— сказала Нат. Она слышала однажды, как мать Вити назвала его этим словом.— Вечно ты поперёк другим выдумаешь. Ведь игра же. Будто что деревья. Будто что. Понял?

— А звери?

— А звери мы будем сами. Я буду охотник, а вы — звери. Нет, я буду и ещё Шура — охотники. А вы...

— Нет, я зверем не буду... Но! Поехали! — Витя воображаемой нагайкой огрел своего «коня».

— И мне нельзя,— сказал Боря. — У меня штаны новые.

Они долго спорили, но в конце концов всё-таки договорились, что охотниками будут Нат и Шура. Витя согласился стать медведем: ведь медведя называют хозяином тайги! Борю уговорили превратиться в собаку. Без собаки охотникам никак нельзя. А быть собакой даже очень хорошо: она нигде не прячется, только ищет зверей и лает. Так что штаны не запачкаются. Юре поручили стать рысью. А Соне пришлось назваться лисицей.

«Охотники» и «собака» пошли на две минуты в дом. «Звери» за это время должны были разбежаться по «тайге» и спрятаться. «Тайгой» был двор, широкий и длинный. Слева от ворот стоял дом, за ним

росла сирень, потом берёзы и снова сирень. От ворот справа тянулись грядки, а по их краю — малинник. За грядками был сарай, а за сараем опять грядки и ещё сирень.

Через две минуты «охотники» вышли из дома. Нат была с луком и стрелами, а Шура тащила «ружьё» — палку от половой щётки. «Собака» громко лаяла.

— Ищи,— приказала ей Нат.

Бойко подпрыгивая, Боря понёсся за сарай. Он облаял кусты сирени, но никого там не нашёл. Подумав, он помчался в малинник.

— Ты с той стороны заходи, а я — с этой,— шепнула Нат Шуре.— И если медведь — не бойся, стреляй.

— Вав, вав!! — раздалось в кустах, послышалось грозное урчанье, и, выскочив из своей берлоги, «медведь» побежал по малиннику.

— Бу-ух!! — закричала Шурка. — Чего же ты не падаешь?

Нат выстрелила из лука — и промахнулась: стрелы были без наконечников, лёгкие, они летели плохо, а «медведь» бежал очень быстро.

— Витька, ты почему на двух ногах бежишь? Ты на четырёх должен.

— Да! А Боре можно на двух! Ишь вы какие...

— Так ведь у Бори же штаны!.. Давай снова. Это не в счёт. Мы за тобой после придём.

И, кликнув «собаку», Нат направилась к берёзам. Там, по её предположениям, обитал страшнейший таёжный зверь — рысь.

Нат приближалась к рысьему логову как настоящий охотник. Она не пошла напрямик, а, прижимаясь к стене дома и пригибаясь, прячась за кустами сирени, подкрадывалась осторожно, медленно. Шурка пробиралась за ней, держа «ружьё» наготове. А «собака» помчалась напрямик.

И тут произошло самое неожиданное.

Только Боря подскочил к дереву и принялся облаивать «рысь», прицепившуюся на берёзе за сучок, метрах в двух от земли, как та сорвалась и упала прямо на него.

Нат закричала боевое «Э-ге-эй!», выпустила в «рысь» стрелу и сама, как стрела, полетела к берёзам.

Юра, потирая ушибленную ногу, виновато ухмылялся. А Боря сидел на земле, скрёб ногтем штаны и сквозь слёзы ворчал:

— Совсем не по правилам. Не буду я больше собакой. Сами будьте. Вот уйду сейчас домой. И так штаны испачкал.

Нату сначала стало жалко его, но когда он сказал, что уйдёт домой, жалость исчезла.

— Ну и уходи. Пожалуйста... Уходи! Ну!

— И уйду,— сказал Боря и с видом оскорблённого зашагал к воротам. Постояв там с минуту, он грустно засвистел и поплёлся домой.

Охота продолжалась. «Рысь» срочно превратилась в «собаку». Она бросилась по следам «медведя» и моментально обнаружила его. Опять в малиннике раздались лай, урчание, началась возня, и вдруг прозвучал голос Юры:

— А что он кусается! Это я собака, а не он. А он кусается.

Нат кинулась было туда, чтобы навести порядок, но в это время из кустов сирени донеслось:

— А за лисицей-то вы когда будете гоняться?

Это волновалась Соня, которой от безделья стало скучно.

Охота расстраивалась. Это злило Ната. В несколько прыжков она очутилась около сирени и, сильно натянув тетиву, пустила стрелу в красное платьице. Это было совсем не больно, но «лисица» обиделась. Она засопела и, цепляясь платьем за сучки и ветви, стала поспешно выбираться из своей норы, бормоча:

— Говорили, в войну играть не будем, а сами...

Соня уселась на крыльцо и надулась. Витя с Юрой выбрались из малинника.

Охота расстроилась окончательно.

В это время из дома вышел Петя Синцов. В его руках было какое-то странное громоздкое сооружение из маленьких дощечек, палочек, колёсиков и железных пластинок. Петя не пошёл, как обычно, под сарай, а устроился посредине двора — присел на корточки, поставил перед собой свою самодельную машину и принялся что-то крутить у неё.

— Палкоход,— пояснил он, ни к кому не обращаясь.

Такой машины ребята никогда не видывали. Она походила на громадного толстого таракана. Только вместо лапок у него были три длинные палки — ноги. На концах их были приделаны колёсики.

Петя покрутил какой-то винтик, и внутри «таракана» что-то затрещало и задребезжало. Петя отпустил руки — и вдруг передняя нога «таракана» резко подалась вперёд, потом — обе задние, и всё неуклюжее тело машины дёрнулось вперёд. А передняя нога уже снова двигалась, за ней — задние, и «таракан» бойко зашагал по земле на своих ногах-палках.

Соня даже рот открыла от изумления. Её голубые глазёнки стали большими-большими.

— Вот это да-а,— протянул Витя и решительно шагнул вслед за «палкоходом».

— Нат, давай посмотрим, а? — попросила Шура и, не дожидаясь ответа, бочком поскакала к Пете.

— Очень надо! — Нат горделиво тряхнула косичками. — А я по заборам лазать пойду.— И она, хотя ей очень хотелось посмотреть на «палкоход», не оглядываясь, двинулась в дальний угол двора, на ходу крикнув: — Юрка, пошли!

Адъютант Ната с тоской посмотрел на шагающую самоделку, оглянулся по сторонам, словно выискивая, куда бы спрятаться от грозной предводительницы, потом ещё раз взглянул на ребят, сгрудившихся около Пети, недовольно шмыгнул носом и вперевалку затрусил за Натом.

— Очень надо! Ползун какой-то,— бормотала Нат, влезая на забор. — Вот в мастерской у папы я станки видела — да! А этот всё равно завтра сломается. Юрка, верно?

Юра молчал. Он молчал, во-первых, потому что влезать на забор ему было трудно; Нат — она длинноногая, ей хорошо. Во-вторых, он вовсе не хотел, чтобы «палкоход» сломался. Пусть ходит, а когда Нат уйдёт домой, он посмотрит машину и, может быть, Петька даст даже покрутить. Нат бормотала всякие страшные слова про петину самоделку и грозилась, что перебьёт у неё палки-ноги, но Юра понимал, что настроение у Ната совсем небоевое.

— ...А руками зачем держишься? — вдруг повернулась Нат к Юре.— Видишь, как я...

Искусство хождения по заборам состояло в том, чтобы, используя продольные перекладины на изгороди, идти, не держась руками. Кто падал, тот должен был начинать путь снова, с того места, где забрался на изгородь.

Они прошли по своему забору и перебрались на изгородь двора, где жили Шура и Соня. Тут двигаться стало легче: перекладины были широкие, Нат даже могла бежать. Конечно, не по-настоящему, но всё же быстро.

Перебираться на забор следующего двора было опасно: там большущая собака, она высоко прыгает и, того и гляди, цапает за ногу.

Нат остановилась.

Слева раскинулся большой пустырь. Собственно, пустырём он был до нынешней весны. А весной здесь началась стройка. Переваливаясь по ухабам, урча и гукая, засновали грузовики. Они привозили кирпичи, бетон, доски, брёвна. Пришли рабочие и начали строить два громадных дома. И пустыря не стало. Уже четыре этажа поднялись в небо, а большие железные клетки на стальных тросах поднимали наверх всё новые и новые груды кирпича.

Наверху работало много каменщиков. Один из них — молодой мужчина с выбившимся из-под кепки чёрным вихром — трудился по-особенному весело и быстро. Он работал на самом высоком месте стены. Двое вёртких подручных едва успевали подавать ему кирпичи.

— Здорово работает,— солидно сказал Юрка и добавил: — Это Петькин отец. Стахановец! Вон ему привет написали.

Под мостками, на которых стоял каменщик, билось по ветру прибитое к стене красное полотнище. На нём красивыми размашистыми буквами было выведено: «Привет стахановской бригаде Тихона Синцова! Вчера она выполнила норму на 620 процентов».

— У меня папа тоже стахановец, — сказала Нат. — Про него даже в газете было... Ну, поворачивайся, пошли обратно...

Когда они вернулись в свой двор, там уже никого не было. Вся компания разошлась.

— Спрячь,— Нат подала Юре лук и задумалась, решая, что бы такое интересное предпринять.

Из квартиры Синцовых раздавался громкий детский плач. Нат вспомнила, что мать Петьки с утра уехала в город по каким-то срочным делам. Шестимесячную Тому она оставила на попечение сына.

«Вот сейчас я над ним посмеюсь», — решила Нат и заглянула в окно Синцовых. В комнате никого не было. На полу возле печки стоял «палкоход». Нату очень захотелось отвернуть у него хотя бы одну ногу-палку, и она перелезла через подоконник. Но прежде чем взяться за «палкоход», Нат через дверную щель заглянула в соседнюю комнату, откуда слышался плач.

Петя стоял около уставленного немытой посудой стола и держал завёрнутую в пелёнку девочку на вытянутых перед собой руках.

— Ну чего ты орёшь, чего орёшь? — сердито и растерянно спрашивал он.

Сестрёнка не переставала кричать. Тогда Петя принялся заталкивать в рот девочки соску. Тома закричала ещё пронзительнее.

Тут Нат не выдержала и вбежала в комнату. Петя, увидев её рядом, растерялся и начал изо всех сил трясти сестрёнку.

— А ну, дай! — закричала на него Нат и отобрала ребёнка.

Петя хотел сказать ей свое обычное презрительное «девчонка», но не сказал: это действовало, когда Нат изображала из себя парнишку, а тут она была... тут она была, как настоящая девочка. Это «убийственное» слово сейчас можно было бросить ему самому. Петя покраснел. Он подумал, что сейчас Нат задразнит его.

— Сразу видно — мальчишка, ничего не знает! — сказала Нат. —

Ведь она же мокренькая. Где пелёнки?.. Не плачь, Том, не надо. Он глупый. Сейчас мы с тобой... Да пошевеливайся же ты!

Петя послушно подал пелёнки. Нат переложила девочку в сухое, и Тома, ещё красная от крика, вдруг принялась улыбаться и пускать пузыри, что бывало с ней лишь в минуты радости.

— А на столе-то что! Ужас!— совсем как мать сказала Нат.— Безобразие. Сейчас же затапливай плиту. Буду посуду мыть. И кашку надо сварить. Да? Где у вас манная крупа?

...Когда Юра, потеряв уже всякую надежду найти свою предводительницу, заглянул между прочим в окно Синцовых, он увидел такую картину.

За столом сидел Петя и что-то чертил на большом листе бумаги, поясняя:

— ...А тут у нас корытца такие будут. Они станут бетон загребать и на конвейер скидывать...

Нат стояла рядом, держа в руках Тому и легонько покачивая её.

— А это?— спросила она, тыча пальцем в чертёж.— Это зачем?

— А это для сигнализации. Тут вот натянем проволоку, тут блок устроим...

Юра был поражен: Нат мирно беседует с Петей Синцовым!?

— Слушай, Петь!— воскликнула Нат.— А ты знаешь, что мы можем сделать?

Петя вопросительно посмотрел на неё.

— Мы твою машину в один миг соорудим. В одну неделю. И не маленькую сделаем, а большую.

— Это как?

— А мы сразу все будем работать. Один станет выпиливать, другой строгать... третий... Ну, ты сам скажешь, кому что делать.

— Ты что, хочешь, чтобы все ребята?..

— Ну да!

— Они же не умеют.

— Ого, не умеют! Боря, знаешь, какие свистульки вырезать может? И лобзиком умеет. А потом — ты же научишь! Да?

Петя нахмурился. Его эта затея и пугала немножко, и привлекала. Больше, пожалуй, привлекала. Ведь если возьмутся все, машину, действительно, можно изготовить быстрее и, главное, большую. Тогда, может быть, сразу разрешат попробовать, как она действует, прямо на строительстве... Ух, даже дух захватывает!..

— А ещё нам папа мой может помочь,— сказала Нат.— Выточить на токарном станке или что...

Лицо Пети светлело, и губы незаметно для него самого начали ползти в стороны.

— Давай,— тихо сказал Петя, — попробуем.

Тут Юра не выдержал и решил вставить своё авторитетное слово.

— Конечно, попробовать надо,— сказал он, ещё и не зная толком, о чём идёт речь.

Петя круто повернулся:

— Ты что здесь? Подслушиваешь?

У Ната взметнулись косички.

— Ничего я не подслушиваю. Я Ната ищу.

Нат обрадованно пригласила:

— Залезай сюда! Да не бойся... Слушай. Мы будем строить машину. Надо быстро-быстро созвать сюда всех. Она будет кирпичи таскать и загребать бетон. Понятно? Скажи: вызывает начальник строительства. Это я. А Петя — главный инженер. Понятно?

Верный адъютант Ната скосил глаза на Петю, посмотрел на «палкоход» и бодро сказал:

— Понятно,— и полез через подоконник во двор.

Когда Юра уже огибал дом, Нат высунулась в окно и прокричала вслед:

— А Боре скажи, чтобы новые штаны не надева-ал! Скажи, мы по-настоя-ящему будем строить!

И уже из-за угла дома донеслось тоненькое Юрино:

— Поня-ятно!

Г. Шумилов *Рисунки В. Васильева*

Было это давно, ещё до революции, в одном из уральских заводских посёлков.

Улицы посёлка, застроенные одноэтажными, приземистыми домишками, сбегали по увалам к огромному пруду, в конце которого виднелся дымивший несколькими трубами завод.

На окраинной Загорной улице в стареньком покосившемся домике на три окна живёт большая семья рабочего-краснодеревца: он сам с женой, дед с бабушкой да четверо ребятишек.

— Вон у меня сколько кормильцев-то растёт,— говаривал отец, окидывая любовным взглядом светловолосых сыновей.

Правда, «кормильцы» были ещё маловаты,— самому старшему из них, худощавому, кареглазому Грише, было всего десять лет.

Пока же главными добытчиками в семье были отец и дед, работавшие с утра до ночи на мебельной фабрике капиталиста Седьмых. Делали они красивую мебель, а зарабатывали мизерные средства, на которые едва удавалось прокормить семью. Необходимую одежду и обувь для взрослых заводили с трудом, экономя на пище.

Выручала часто мать. Она, несмотря на обременённость маленькими детьми, весной и осенью батрачила у кулаков близлежащих деревень.

Где уж тут было думать об обновках ребятишкам. Они перебивались обычно на залатанном, перешитом старье взрослых. Новая рубашка или штанишки были для них большим праздником. А о новой обуви для ребят даже и говорить не приходилось...

Пригожий весенний денёк. Небо светлоголубое. Яркое солнце превращает снег во множество журчащих ручейков. На северной стороне

улицы лежат ещё сугробы тяжёлого крупинчатого снега, но Гришу это мало смущает. Уже несколько дней он бегает босиком.

Гриша рад, что может, наконец, сбросить тяжёлые, большие дедушкины валенки, в которых он щеголял всю длинную суровую уральскую зиму. Правда, бабушка уверяла, что они ещё совсем «добрые», и ещё «век продюжат». Но снег, как бы насмехаясь над бабушкой, набивался в многочисленные дыры валенок, и Грише время от времени приходилось ложиться на спину, поднимать вверх ноги и вытряхивать его оттуда.

Поэтому Гриша не совсем был согласен с бабушкой, но попробуй-ка поспорь с ней.

Маленькая, седенькая бабушка любила внучат, но бесконечные заботы о семье сделали её ворчливой. Она не терпела возражений. Если кто-либо из ребятишек перечил, бабушка со словами: «Ах, ты ещё спорить, пострелёнок!», угрожающе бралась за ухват, которым день деньской орудовала у печки. Перед таким серьёзным доводом мальчишке приходилось обычно отступать и обращаться в бегство.

Накинув на плечи старый отцовский пиджак, Гриша выходит за ворота и, стараясь ступать по снегу только одними пятками, быстро перебегает на солнечную сторону улицы.

Здесь снега почти уже нет, в грязи протоптаны тропинки, потоки мутной воды с звенящим шумом бурно несутся по канаве.

На завалинке дома пригретый солнцем сидит, поджидая Гришу, закадычный его друг, Серёжка Малинин. Он успел уже побегать по холодной мокрой земле и сейчас отогревал ноги, подставляя под горячие солнечные лучи голые пятки. Гриша подсел к нему.

Конечно, куда уютнее было бы теперь бегать в яловых, смазанных дёгтем, непромокаемых сапогах. Но что поделаешь, раз у отцов заработки плохи. Приходится, как и большинству мальчишек Загорной улицы, ходить босиком с ранней весны и до поздней осени. Лишь один их погодок Сенька Кривоногов — сын торговца кожевенными товарами, каждую весну в пасхальные праздники выходил на улицу в новеньких сапогах или шевровых ботинках с калошами, блестевшими на солнце.

Вон и сейчас этот мордастый, пучеглазый увалень красуется у ворот своего дома, ожесточённо ковыряя носком сапога талый снег и поглядывая на ребят в надежде, что и его позовут в компанию.

Друзья делают вид, будто не замечают его. Они втайне завидовали Сеньке, но относились к нему с презрением, не знались с ним и при удобном случае награждали тумаками.

— Везёт же этой слюнявке,— произносит Серёжка, тщетно стараясь прижать ступнёй бегающего по бревну солнечного зайчика.— Смотри, опять в новые сапоги вырядился.

— Да, сапожки хороши, ничего не скажешь! Поносил бы! — откликнулся Гриша.— Не нашим чета,— сокрушённо заключил он, кивая на свои голые ноги.

Ребята задумались.

А Сенька, разозлённый тем, что ребята не обращают на него никакого внимания, не зовут к себе, взял ком сырого снега, туго скатал его и с криком: «Эй, вы, голопятые, получайте!» бросил в ребят, но не попал. Ком ударился в стену избы и рассыпался на множество мелких крупинок, сверкнувших на солнце, точно драгоценные камни.

Ребята вскочили.

— Ты чего кидаешься! — крикнул Гриша, сбрасывая с плеч пиджак.

Серёжа, недолго думая, схватил кусок мокрой глины, запустил в противника и попал ему в лицо.

Сенька взвыл и опрометью бросился во двор.

— Здорово ты его угостил, — восхищённо сказал Гриша, накидывая на себя пиджак.

— Это ему за голопятых, пусть вот теперь поплюётся,— возбуждённо проговорил Серёжа, обмывая в канаве руки.

— Надо нам убираться. Того и гляди Сенькина мать выскочит. Давай сбегаем на рынок, посмотрим, что там делается,— предложил Гриша.

Серёжа согласился, и друзья помчались, не разбирая никаких тропок, разбрызгивая во все стороны жидкую холодную грязь. От быстрого бега голые ноги горели и не чувствовали холода.

Кроме чисто ребячьего интереса, Гришу влекло туда ещё и серьёзное бабушкино поручение: разведать, куда запропастился дед. Он ещё с утра ушёл на мебельную фабрику за заработком и до сих пор не вернулся, хотя был уже полдень. И ещё одна мысль таилась у Гриши: не угостит ли дедушка крендельком с маком, по случаю получки. А это бывало.

Вот и рыночная площадь. Окаймлённая с трёх сторон рядами лавок мелких торговцев и большим магазином купца первой гильдии Ибрагима Исмагилова, она была совершенно пуста. День был не базарный.

Вытаявшие кучки мокрого конского навоза, клочки сена, обёрточной бумаги, какой-то ветоши и всякого другого хлама придавали площади серый, унылый, неопрятный вид. На середине её одиноко стояла приземистая, с двумя подслеповатыми оконцами избушка базарного сторожа.

Картина, открывшаяся взору ребят, навевала тоску. Казалось, что сияющий весенний день как-то померк, потускнел. Мальчики собирались уже пробежать дальше на плотину, как вдруг остроглазый Гриша воскликнул:

— Стоп, Филька!

Голова Серёжки немедленно повернулась в сторону, куда смотрел Гриша.

Да, действительно, в дальнем левом конце площади на солнцепёке мирно лежал базарный козёл Филька. Лениво поматывая головой, он жевал сено.

Большой, с крепкими изогнутыми назад рогами, с густой грязно-серого цвета шерстью, в которой ещё с прошлого года застряли колючие шишки репейника, Филька был их опасным и хитрым врагом.

Бывало, в праздничный базарный день мальчики стайкой сновали среди покупателей, с любопытством рассматривая содержимое крестьянских телег, нагружённых кунгурскими огурцами, мешками муки, кочанами капусты, бочками солёных грибов и прочей снедью.

Особенно же заглядывались они на яблоки, которые привозили торговцы из города. Приятели подолгу стояли около них, как зачарованные.

— Эх, хоть бы одну печёночку съесть,— мечтали они (печёнками ребята называли испорченные яблоки).

А в это время сзади подбирался к ребятам Филька и неожиданно, со всей силой наносил одному из них предательский удар рогами. Мальчишка валился на землю, а козёл, как ни в чем не бывало, шествовал дальше, помахивая бородой. Даже такой крепыш и силач, как Петька Дубцев и тот не мог устоять от сокрушительного удара козлиных рогов.

Впрочем, надо сказать, что мальчики и не могли рассчитывать на более любезное отношение к себе со стороны Фильки. Он мстил им за озорство.

Частенько, собравшись гурьбой, ребята ловили Фильку, уводили на полянку за лавками, подальше от базарного сторожа, и там катались верхом до тех пор, пока бедный, измученный козёл не вырывался, сбросив со своей спины очередного незадачливого наездника.

Вот и сейчас они решили покататься на козле: подобрались к Фильке сзади, используя его же коварный приём, и четырьмя руками крепко уцепились за рога. Только успел Серёжа забраться на козла, намереваясь галопом промчаться по площади, как вдруг дверь базарной сторожки распахнулась и оттуда поспешно вышел сторож Ефремыч, а за ним и Гришин дед.

— Я вот вас, разбойники, выгаяли опять на мою голову! — закричал Ефремыч, направляясь к ним.

Мальчишки кинулись в разные стороны, но окрик деда остановил Гришу.

— Грибко, а ну, пойди сюда!

Сильно опасаясь за свои уши, мальчик, однако, подошёл. Дед был явно навеселе. Частенько после получки он заходил к своему приятелю Ефремычу и за длинной задушевной беседой они распивали полбутылки вина. После посещения сторожки дед возвращался домой в самом благодушном и весёлом настроении.

Дедушка пожурил внука за озорство, потом, оглядев Гришу с головы до ног прищуренными глазами, спросил:

— А ты почему, Грибко, без сапог? Посмотри, ноги-то у тебя какие красные, как у гуся.

Вопрос этот вызвал у мальчика сильное недоумение. Словно дед не знает, что его внук ещё никогда не имел собственных сапог, да и вообще какой-нибудь кожаной обуви. Насмехается он, что ли?

— Да ведь ты, дедушка, хорошо знаешь, что у меня сапог-то нет, вот и бегаю босиком,— ответил Гриша с обидой в голосе.

На лице деда, в свою очередь, отразилось самое искреннее удивление, будто ответ мальчика был для него большой новостью, которую он слышит первый раз в жизни.

— Как так нет, почему нет? Это, парень, неправильно, чтобы мой внучек бегал босиком,— расшумелся старик.— Ты как думаешь, Ефремыч,— обратился он к своему приятелю,— непорядок ведь это?

— Чего уж тут говорить, само собой понятно,— поддакнул Ефремыч.

Ещё больше подогретый словами Ефремыча, расходившийся дедушка вдруг заявил:

— Пошли, Грибко, в лавку за сапогами.

Внук был готов ко всему, но такого поворота дела он никак не ожидал. Еле поспевая за быстро шагающим дедом, Гриша думал: «Неужели всё это всерьёз, и я стану ходить в сапогах?»

Собственные, новые сапоги! Они для него были до сих пор несбыточной мечтой.

Правда, однажды вечером, лежа на полатях, Гриша слышал разговор отца с матерью и дедом, обсуждавших семейные нужды:

— И Григорью тоже надо бы купить какие-нибудь обувки,— говорил отец.— Паренька совсем босой, простудится ещё, заболеет.

— Надо бы, да где денег-то возьмёшь,— ответила мать.— У нас ещё четвертная долгу не отдана, когда рассчитаемся, ума не приложу.

Так они и не могли ничего придумать. И вдруг такая неожиданность. Нет, этого не может быть! Гриша почувствовал, как холод от босых ног передаётся по всему телу.

Вот и лавка Сенькиного отца. Дед, распахнув дверь, вошёл и поздоровался. Гриша за ним.

— Ну-ка, купец, покажи нам сапоги, вот для внучка,— громко сказал он, обращаясь к торговцу.

— Только для соседа, самые лучшие,— проговорил тот, выкладывая на прилавок несколько пар сапог.— Разбогател ты, видать, Митрич, даже Гришке сапоги покупаешь,— язвительно заметил торговец.

— Это наше дело, разбогател ли, нет ли. Не всё только твоему Сеньке в сапогах ходить. Грибко, меряй! — приказал дед.

Мальчик обтёр ноги лежащим в углу мешком и поспешно, задыхаясь от волнения, стал примерять сапоги.

— Вот эти, дедушка!

Дед внимательно осмотрел их, помял своими грубыми, заскорузлыми пальцами, даже попробовал подошвы на зуб — не картон ли, и заявил:

— Нет, не годятся, товар гниловатый.

Торговца, стоявшего за прилавком, точно подбросило. Он, захлёбываясь слюной, стал скороговоркой доказывать, что товар поставлен первосортный. Но дед был непреклонен.

— Ладно, ладно, знаем мы вашего брата, так и стараетесь «по-соседски» всучить трухлятину,— ответил дед.— Пошли, Грибко.

И они вышли из лавки.

Мальчик был в отчаянии. Лицо у него удлинилось, губы дрожали, из глаз катились слёзы. Он плёлся за дедушкой, не разбирая дороги.

— Зайдём-ка мы в лавку к Ваське-татарину. Правда, тоже прохвост, но у него выбора побольше.

Услышав эти слова, Гриша поспешно вытер рукавом лицо. Не всё, кажется, ещё потеряно.

Здесь дед выбирал сапоги с ещё большей придирчивостью: сильно нажимая, проводил по подошве крепким ногтем, мял в кулаке голенища, вывёртывал их наизнанку, просовывал руку внутрь сапога и ощупывал стельку. От напряжения у него вздулись на висках жилы, а на лбу появились капельки пота. Грише казалось, что это длится бесконечно.

Наконец, дед остановился на одной паре, поднял её за ушки кверху, оглядел ещё раз со всех сторон и вручил внуку:

— На, парень, носи на здоровье, да смотри, береги!

Гриша схватил сапоги, пулей вылетел из лавки и, не помня себя от счастья, помчался домой. Забыл даже поблагодарить деда.

Дома никого не было: отец на фабрике, мать ещё два дня тому назад ушла в деревню, бабушка тоже куда-то отлучилась. Только в люльке спал, посапывая, самый маленький братишка.

Быстро обтерев ноги сухой тряпкой, Гриша надел сапоги и стал расхаживать по комнате. Сапоги приятно поскрипывали, пахли лаком. Он не мог наглядеться на них.

Вошла бабушка с подойником в руке. Увидев на Грише сапоги, она поставила подойник, молча, поджав губы, обошла вокруг Гриши и, наконец, спросила:

— Это что на тебе?

— Сапоги,— ответил Гриша, сияя.

— Вижу, что не лапти. Где взял?

— Дедушка купил.

— Кто? Дедушка! Скажи на милость, какой богач выискался!

Пустил последние гроши на ветер, а не подумал своей старой дурной головой, что завтра квашню ставить нечем. Сейчас же снимай, я снесу их обратно. Ты весь-то ещё их не стоишь. Я кому говорю!

Бабушка попыталась схватить Гришу, чтобы снять сапоги, но он увернулся, выбежал на двор, затем на улицу и пустился сколько было духу, куда глаза глядят.

Только вечером Гриша вернулся домой. Сапоги он нарочно постарался заляпать доверху грязью.

Дед сидел на скамейке около двери и курил козью ножку. Он заговорщически подмигнул вошедшему внуку, кивнул головой в сторону бабушки, как бы говоря: «Не робей, мол, парень!».

— Где это ты пропадал до такой поры? — спросила бабушка, вытирая посуду и с беспокойством поглядывая на внука.

Гриша стоял на середине кухни, переминаясь с ноги на ногу и молчал.

— Будет тебе, старая, парня-то мучить, да и себя пожалей: с обеда меня пилишь, пора и утихнуть,— примирительным тоном проговорил дед.

Но бабушка, не обращая внимания на деда, подошла к Грише, нагнулась, внимательно осмотрела сапоги и проворчала:

— Вот и заведи такому рестанту обувки, дня не поносил, а смотри, как отделал. Ступай сейчас же вымой, да оботри. Отец вот-вот с фабрики придёт, как ему такую-то грязину показывать будешь!

— А обратно, бабушка, на базар не понесёшь?

— Кто их теперь возьмёт!

Сапоги эти Гриша носил несколько лет. Когда же они стали ему малы, то перешли по наследству к младшему братишке. Но Грише всегда казалось, что первые купленные ему дедушкой сапоги были самыми красивыми и удобными.

РЯБИНА

И. Фёдоров *Рисунки В. Воловича*

День близился к концу. Длинные тени ложились на землю, темнее стали дальние гряды гор, и из лощин потянуло холодком. Работать с инструментом в лесу стало трудно.

— Придётся кончать! — обращаясь ко мне, сказал Алексей Петрович — таксатор[1] и начальник нашей маленькой лесоустроительной партии.— Данило Михеевич! — крикнул он леснику. — Кончайте работу, переночуем здесь возле ключа, а завтра с утра дальше пойдём!

Сын лесника Андрюша, с которым мы вели обмер деревьев, вытер шапкой лицо, сняв с него прилипшую лесную паутину.

— Устал?

— Нет,— весело блеснул он глазами.— Если бы не ночь, можно б ещё поработать!

К нам подошёл Данило Михеевич.

— Ну что ж, согласен! Тут повыше, у ключа, избёнка стоит: место хорошее, как раз и переночуем!

Спрятав в сумки буссоль[2] и таксационные книжки, мы тронулись в путь. Впереди легко шагал Андрюша. Мне нравился этот паренёк,

---

[1] Таксатор — специалист, оценивающий древесные насаждения (количество, форму, возраст).

[2] Буссоль — прибор для съёмки плана местности.

Родился и вырос он в лесу, на кордоне. В соседнем селе окончил в этом году семилетку. Первые три года Данило Михеевич ежедневно отвозил сына в школу, а когда Андрюша подрос, смастерил ему лыжи, и мальчуган в сопровождении отцовской лайки по лесным тропинкам спешил в школу. Любознательный, умеющий наблюдать и по-своему объяснять виденное, учился он хорошо, жадно поглощая книги, и мечтал стать лесничим. Данило Михеевич, проведший всю жизнь в лесу, поощрял его и радовался, что сумел пробудить в сыне любовь к лесу.

— Ну вот и пришли! — Андрюша бережно опустил на землю поклажу и присел на камень.

Я осмотрелся. На небольшой поляне, словно прячась в наступающем со всех сторон лесу, стояла покосившаяся, затянутая мохом избушка. Шагах в десяти, в камнях, тихо журчал ручеёк.

Возле порога избушки росла высокая стройная рябина, распластав ветви над развалившейся крышей.

Ночи в горах наступают быстро, и когда мы, поужинав, прилегли у костра, в небе зажглись уже первые звёзды. Уставшее тело приятно согревал огонь, но спать не хотелось, и мы изредка перебрасывались короткими фразами.

— Алексей Петрович! Скажи-ка ты мне,— обратился Данило Михеевич к таксатору,— вот начали у нас выращивать быстрорастущие деревья. Яблоню или вишню вырастить можно, а ведь сосну да ель не переделаешь! Я вот сколько лет в лесу живу, а не встречал, чтобы, скажем, сосна по метру за год вытягивалась! Разве это можно сделать?

— Можно! И уже растут такие леса, каждый год по полтора метра прироста дают. Правда, не сосновые, но и до них дойдёт черёд! Вон Андрюша в техникум нынче идёт, будет лесоводом, может, на его долю и достанется разводить быстрорастущие сосны!

Светлая у тебя голова, Андрюша,— задумчиво продолжал Алексей Петрович.— С такой головой в наше время тебе все дороги открыты. А я, брат, грамоте обучился только после революции. До двенадцати лет вывеску прочесть не мог. Если б не советская власть, так бы неграмотным и остался. Комсомол помог встать на ноги, институт окончить.

Сам-то я родом с Камы. Леса там у нас хорошие, только мало их. Степь близко подходит, а в ней полыни много растёт. Я до сих пор помню её горьковатый запах.

Алексей Петрович помолчал, закурил и вернулся к начатому разговору.

— Вот я сказал, что запах полыни напоминает мне безрадостное детство. А рябину увижу, так самое страшное в жизни вспоминаю! Мне

десятый год шёл, когда произошла Октябрьская революция. Жили мы в уездном городке, на окраине. Домишко у нас был на два окна, на самом краю оврага стоял. А по склонам и на дне оврага ютились такие же домишки, как наш. Место унылое, кругом красная глина, ни одного деревца, одна полынь. Вечерами откроешь окно, так от её запаха во рту горько делалось. Самая беднота тут обитала, всё больше сапожники. По всему Прикамью славились сапоги их работы, а сами сапожники ходили в опорках[1].

Жить было трудно. Отцу в германскую войну руку покалечило: сапоги шить не мог, да и не из чего было, а так, кой-кому старьё чинил, тем и жили. А как стали в городе советскую власть устанавливать, запырнул он колодки за печку, вытащил из подвала принесённую с фронта винтовку и пошёл юнкеров бить.

— Я,—говорит,— Лёшка, снова воевать буду, только не за престол, а за себя, за всех таких же, как я, бедняков. За то, чтоб вам, детям нашим, жилось светло и радостно.

Когда началась гражданская война, наш город захватили белые. Начались аресты. Отец в это время находился дома: он тяжело болел. Кто-то и доказал, что у нас красный скрывается. Так его с постели больного и взяли. Мать обезумела, кинулась к солдатам.

— Будьте вы прокляты, помереть человеку спокойно не дадите! — Да и плюнула в лицо офицеру. Тот выругался и шашкой её по голове рубанул...

Возле калитки у нас рябинка росла, мы вместе с отцом её посадили. На эту рябинку мать и повалилась. Рябинка-то молодая была, тонкая, подломилась сразу... Лежит мать, лицо белое, из прорубленной головы кровь бежит...

Алексей Петрович замолчал, воспоминания взволновали его. Немного справившись, он продолжал:

— Кинулся я к матери, вижу — конец. Хоть и мал был, а понял сразу. Отец мне из калитки уже крикнул: «Запомни, Алёшка, кровь матери да и меня не забудь!».

Крепко я запомнил этого офицера. Молодой, ещё совсем мальчишка, видно, из юнкеров. Лицо длинное, глаза, как у кошки, зеленые, злые, а на левой щеке родинка полумесяцем. Я фамилию его узнал: Синицкий.

Отца больше я не видел: из тюрьмы никто не возвращался. Каждую ночь штыками сбрасывали арестованных в Каму.

---

[1] Опорки — истоптанная, изодранная обувь.

Вскоре белых из города выбили.

А жизнь моя сложилась так же, как и у многих сирот в то время: детский дом, школа, комсомол и институт. Стал я лесоустроителем. Побывал и в Сибири и на Ветлуге. На Печоре целый год работал, а потом на Урал приехал. Леса здесь чудесные, настоящее зелёное золото!

Да, а с офицером тем я всё-таки встретился.

В сороковом году получил я задание предварительно обследовать нелымскую лесную дачу. Перед самым отъездом зашёл в контору за документами, мне и говорят:

— Товарищ Дронин! Вчера приняли нового лесничего. Почти в одно место с вами едет, попутчик вам будет. Человек он новый у нас, одному ему трудновато в дороге будет.

Я даже обрадовался. Дорога дальняя, тяжёлая, километров триста на лодке плыть нужно. Вдвоём такой путь проделать гораздо легче.

— Пожалуйста,— говорю,— спутнику всегда рад буду!

Ну, знакомят меня с этим лесничим.

— Осип Николаевич Степанюк! — отрекомендовался он.

Вижу, человек немолодой, держится вежливо. Лицо его показалось

мне знакомым, а вспомнить, где встречались, не могу.

— Как будто мы с вами где-то встречались, а где — не упомню!

— Гора с горой не сходится! Я, собственно, всю жизнь провёл в Полесье. Наверно там и встречались!

Я покачал головой. Нет, в Полесье я не был. Тогда где же? Степанюк пожал плечами и отвернулся. Я бросил об этом думать.

Три недели провели мы с ним вместе. Ехали на поезде, катере, а потом вдвоём плыли в лодке по северной реке. Осип Николаевич оказался выносливым и терпеливым. Но что-то мне в нём всё-таки не нравилось. Я не мог объяснить себе, что именно, но чувство неприязни появлялось каждый раз, как он начинал говорить.

В одну из ночей, когда мы остановились на привал, не было житья от комаров. Они не боялись огня и тучей вились вокруг нас, густо облепляя лицо и руки. С громким ругательством Осип Николаевич сломал росшую рядом рябинку и с ожесточением стал ею отмахиваться от комаров.

— Что же вы дерево зря сгубили?

— Дерево? — он с недоумением посмотрел на меня.— Какое же это, к чорту, дерево? Так себе, ботаническое недоразумение!

И вдруг вид сломанной рябины всколыхнул мою память. Всплыла перед глазами залитая кровью голова матери, куст сломанной рябины. Так это он! Вот и родинка в виде полумесяца на обрюзглом, оплывшем лице. В те годы это лицо было гладким и розовым, с лёгким пушком на губе.

— Вспомнил! — вскрикнул я, потеряв всякую над собой власть.

— Что вы вспомнили, Алексей Петрович?

Звук его голоса отрезвил меня.

— Алексей Петрович! — протянул Степанюк.— Ну, что вы изволили вспомнить?

— Да так, пустяки! — отмахнулся я, быстро соображая, что мне делать...

В последние дни нашего пути погода испортилась: с утра до ночи моросил мелкий противный дождь. Сырой туман стлался по воде и низким болотистым берегам. Одежда на нас промокла до нитки. От сырости и холода у меня заныли зубы. Степанюк безустали сыпал ругательства, кляня погоду и тайгу.

А я спешил и, превозмогая усталость, гнал лодку всё дальше и дальше...

В селе Таёжном наш водный путь кончился, и я сдал Степанюка майору Никитину.

Синицкий, не ожидая столь быстрого разоблачения и растерявшись, рассказал о себе всё. Вначале он — колчаковский каратель, потом — контрразведчик у Шкуро и организатор банд на Украине. Выброшенный вместе с Врангелем из пределов Советской России, он стал агентом многих фашистских разведок. Несколько раз переходил нашу границу. В годы коллективизации организовал в Белоруссии ряд убийств сельских активистов. Наконец, получил от иностранной разведки задание проникнуть на север нашей родины и дать некоторые сведения. Под видом лесничего он и отправился на север.

* * *

— Ну, а теперь давайте спать! — и Алексей Петрович, подложив куртку под голову, лёг рядом с Данилой Михеевичем.

Андрюша подбросил в потухающий костёр сухих веток, и пламя, сразу охватив их, длинными узкими языками высоко взметнулось над костром. Привлечённые светом, вокруг засновали ночные бабочки-бражники. От яркого огня окружающая темнота стала как будто ещё чернее. Иногда на мгновение вырисовывались могучие стволы и снова скрывались во тьме.

Из лесной чащи донёсся писк какой-то птицы. Где-то, совсем рядом, хрустнула сухая ветка, и с вершины сосны сорвалась ошалевшая от страха белка. Мы все вздрогнули от неожиданности.

— Во-время проснулась! Был бы кунице неплохой ужин! — рассмеялся Данило Михеевич, слегка радуясь нашему испугу.

Андрюша долго устраивался около костра, выбирая удобное место. Наконец затих. Но по лёгкому дрожанию век было видно, что сон к нему не идёт.

Повернувшись на другой бок, он открыл глаза и тихо спросил:

— Алексей Петрович! Вот вам удалось разоблачить врага, а ведь наверное, империалисты ещё немало засылают к нам шпионов?

— Врагов у нас ещё много, Андрюша. Но советский человек научился их распознавать, какую бы маску они ни надевали. Мы, выросшие и воспитанные в духе коммунизма, всегда остро чувствуем всё фальшивое и чужое. В этом нам помогает наше чувство долга перед Родиной.

Империалисты готовят новую войну и усиленно используют шпионов и диверсантов. Их забрасывают не только к нам, но и в страны народной демократии. Но лагерь мира растёт и крепнет. И там, где у власти стоит народ, эти презренные наёмники терпят провалы и неудачи.

В. А. Батманов *Рисунки А. Бершадер*

Сумеете ли вы отличить весну от зимы и лета? Не смейтесь. Задача вовсе не такая простая. Конечно, середину весны, когда всё зеленеет и цветёт, никто не спутает с зимой. А вот попробуйте точно установить день, когда зима окончилась и началась весна — это удастся не каждому.

Знаком вам компас? Заблудишься в лесу, взглянешь на него, и стрелка тотчас покажет, где север и юг. А определив своё положение, легче выбраться из леса.

Для определения времени года также есть компас: это **порядок следования сезонных явлений.** Сезонными называются периодические явления природы, связанные со сменой времён года. Например, прилёт и отлёт птиц, вскрытие и замерзание рек, цветение, поспевание плодов и т. д.

В разные годы сезонные явления наступают не в одно и то же число, но порядок следования их друг за другом остаётся один и тот же. Например. Сирень зацветала 15 мая и 17 июня, но всегда позже черёмухи. На какие бы числа ни падало начало цветения подснежника, всегда это

будет позже начала сокодвижения у берёзы и раньше зеленения черёмухи.

Чтобы определить, какой период какого времени года идёт, нужно знать, какие явления характерны для него.

Это даётся в календаре природы. В нём обычно приводятся средние сроки наступления сезонных явлений. Рассмотрим календарь природы города Свердловска[1].

КОНЕЦ ЗИМЫ

Уже солнце «повернуло на лето», кончились морозы, стало теплее, а всё ещё бело кругом, всё ещё крепко держится, не уходит зима. И пока не начнёт таять снег, не обнажится земля, негде развиваться растениям, нет весны.

Обычно под Свердловском снеговой покров достигает наибольшей толщины в первой половине марта. Таять снег под лучами солнца начинает задолго до этого времени: в феврале каплет с крыш, появляются сосульки, но слабая убыль снега перекрывается новыми снегопадами. Чем ближе к весне, тем недолговечнее делается свежевыпавший снег, быстро съедаемый лучами солнца, и тем заметнее становится таяние старого снега. Наконец, наступает момент, когда толща снега начинает убывать — пошёл последний период зимы: весны ещё нет, но с каждым днём множатся признаки её близости.

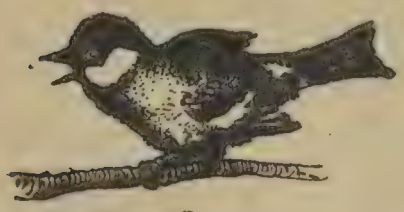
Как идёт таяние снега в это время? Вот просёлочная дорога: снег около каждой щепки, грязи обтаял значительно больше, чем рядом. Перед самым концом зимы (иногда в начале весны) дорога вся почернеет от вытаявшего мусора, грязи и опустится заметно ниже окружающего неразъезженного снегового покрова. Приглядитесь к стеблям трав, веточкам кустов, торчащим из-под снега, в поле: около них снег растаял, образовались пустоты почти до самой земли. Зайдите в глубь леса: около каждого дерева образовалась воронка.

Температура воздуха, даже днём, может не подниматься выше нуля, но лучи солнца, падая на какой-нибудь предмет, нагревают его. Чистый снег — почти белый и нагревается солнцем слабо. Солнечные лучи отражаются им обратно. Чем темнее предмет, тем больше солнечных лучей он поглощает и тем сильнее нагревается. Вот почему снег около мусора, навоза, веток кустов тает быстрее. При этом около крупных предметов образуются пустоты, воронки. Чем сильнее и дольше освещается склон, сторона сугроба, часть поля солнцем, тем заметнее действие на снег его

[1] Сезонные явления взяты за десять лет (1927—1937).

лучей: в поле появляются ледяные корочки с пустотами под ними; отсыревший днём верхний слой снега уплотняется и, замерзая ночью (или во время похолоданий), образует плотную корку — «наст», выдерживающий иногда взрослого человека; на южных склонах снег «изрешетился», покрылся длинными иглами — остатками растаявших верхних слоёв.

Оживился пернатый мир. Пригрело их солнышко. Звонко раздаются несложные, но приятные песенки больших синиц. По-весеннему каркают вороны. Преобразились скромные овсяночки, всё ярче становится весенний наряд самчиков: золотистое темя и грудь. Теперь их не спутаешь с воробьями. Сначала робко пробуют они голос, но постепенно всё больше распеваются и в самом конце зимы поют полным голосом свою, похожую на колокольчик, песенку. В это же время на дорогах, свалках, около гнездовий можно встретить первых прилётных птиц — передовых грачей (передовых — одиночек. Стайки грачей появляются позже, уже в начале весны).



Синица.

Прилёт передовых грачей, начало почернения дорог, появление первых проталин на выгонах около города, пение овсянок в полный голос означает близость конца зимы. До весны остаются считаные дни.

Прилёт передовых грачей	19 марта
Первая полная песнь овсянки	20 марта
Начало чернения дорог	21 марта
Первые проталины на выгонах около города .	21 марта
Конец зимы	22 марта

ВЕСНА

Первый период весны. Весна начинается оттепелью. Днём температура воздуха в тени поднимается выше 0°. Заметно начинает таять снег. Портится зимний путь: на ещё недавно прочной дороге проваливаются ноги лошадей и пешеходов. По канавам бегут первые ручейки; несколько дней — и они превратятся в мощные потоки снеговой воды.

Начало весны — время таяния накопившегося за зиму снега. Убыль снега в конце зимы была мало заметна — теперь дело идёт скорее: на глаз видно, как с каждым днём снег «садится» ниже. Блестящий зимний вид он потерял: посерел, покрылся ледяными корочками. Сам снег стал рассыпчатым, хорошо пропускающим воду.

Иначе, чем зимой, идёт и таяние. Весной чистый, неуплотнённый снег тает скорее, чем загрязнённый или уплотнённый. Зимой по полю пробежали звери, сейчас их следы возвышаются в виде бугорков над опустившимся снегом. Вновь поднялись дороги над осевшим снежным полем. Сойдёт весь снег, а остатки зимней дороги — «череп» ещё долго будет лежать. Зимой таяние снега происходило от обогревания лучами солнца; весной снег тает под действием нагревшегося выше 0° воздуха. Таяние идёт и на солнце и в тени. Грязь, мусор, хворост защищает весной снег от тёплого воздуха.

Верба.

В течение первого периода весны в окрестностях Свердловска стаивает основная масса зимнего снега на открытых местах — в полях и выгонах, и освобождается из-под снегового покрова большая часть их поверхности. Нередки годы, когда в это время весны сходит весь снег с полей и выгонов. И только в годы с глубокими снегами, сильно осевший, но всё ещё почти сплошной снеговой покров на полях и выгонах переходит во второй период весны.

Обнажённая земля не успела ещё оттаять: на ней не заметно признаков пробуждения травянистой растительности. Трудно отметить что-нибудь на деревьях и кустарниках. Только вербы, чаще всего в это время, сбрасывают покровные чешуи с цветочных почек, и ветки их покрываются мелкими белыми «барашками».

Ворона.

Строят гнёзда серые вороны. Около выгнанного погреться на солнце скота вертятся сороки. Смело садясь на спину коров, они теребят линяющую шерсть на подстилку в гнездо.

Насекомых мало. Осматривайте внимательно ярко освещённые солнцем стены домов и заборы, не заметите ли лениво перелетающих с места на место крупных тёмносиних гренландских мух. Их первое появление после зимовки — указатель первого периода весны. В самом конце периода (нередко в начале второго) на улицах города можно заметить порхающих кирпично-красных бабочек-крапивниц.

Первый период весны очень обманчив: днём тает, ночью замерзает; оттепели сменяются длительными похолоданиями; возможны даже не-

большие морозы. Холодные дни в это время весны ещё чаще, чем тёплые. Это следует иметь в виду и не упускать хороших тёплых дней для наблюдения. В другие дни целый ряд указанных явлений может быть не замечен.

Начало весны	23 марта
Побежали по канавам первые ручейки	24 марта
Первый день с суточной температурой воздуха выше 0°	25 марта
Появление гренландских мух	27 марта
Мощные потоки снеговой воды	29 марта
Появление белых «барашков» на ветках вербы	1 апреля
Снеговой покров на полях и выгонах в окрестностях города сошёл наполовину	4 апреля
Появление бабочек-крапивниц	5 апреля

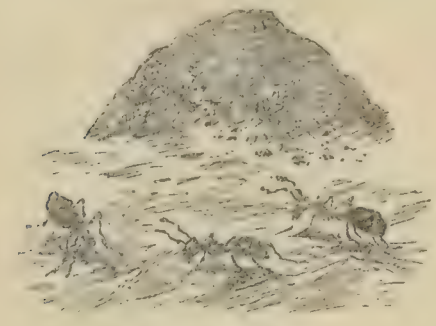
Второй период весны. Быстро изменяется температура воздуха весной. Второй период весны заметно теплее первого. Ещё часты похолодания, выпадает снег, лужи замерзают ночью,— но всё же большую часть времени температура воздуха держится выше нуля.

Сошёл снеговой покров на полях и выгонах. Медленнее тает снег в глубине леса: лишь в середине периода показываются здесь первые проталины.

Снеговой водой залит лёд рек и озёр. Опасной сделалась езда по ним: лёд непрочен. Возможны первые подвижки его на реках.

В поле, на выгоне, в огородах оттаяли верхние слои земли. Бурой ещё кажется издали обнажённая её поверхность. Но вглядитесь внимательно: кое-где уже есть признаки пробуждения растительности. Почти с начала периода сочится сладкий сок у клёна. В огородах начала расти крапива. На обогреваемых солнцем пригорках пробились свежие ярко-зелёные травинки злаков, развернулись маленькие тройные листочки белого ползучего клевера, узенькие с многочисленными боковыми дольками листочки тысячелистника и похожие на яйцо — подорожника. Среди старых перезимовавших листьев земляники показались молоденькие, ещё не расправившие свои пластинки. А попозднее — ближе к концу периода — на сыроватых полянках можно найти сложенный гармошкой листик манжетки. Тронулись в рост цветоносные стебли подснежника (сон-травы). На хорошо обогреваемых склонах раскрылись первые цветущие корзинки мать-и-мачехи.

В начале периода ещё по неоттаявшей земле забегали мелкие паучки. Вылезли из подземных убежищ муравьи: тёмной копошащейся массой лежат они наверху муравейника, прогреваясь в лучах солнца. День-два, и все они разбредутся вокруг своего жилища, занимаясь повседневной хлопотливой работой. Среди засохшей травы заползали красные божьи коровки, заскакали весенние мелкие кобылки-акридии. Притаились под камнями жужелицы. В самом конце периода начинают заселяться лужи снеговой воды. То и дело в них шлёпаются различные водяные жуки. В это же время начинает свой лёт один из самых злостных вредителей соснового леса — жучок лубоед-большой садовник.



Муравьи.

Коршун.

Но самое яркое, бросающееся в глаза явление второго периода весны — прилёт птиц. Идёт первая большая волна. Около скворешников распевают на все голоса, трепеща крылышками, скворцы. Высоко в небе звенят песни жаворонков. Плавно описывает круги в воздухе коршун. Около воды бегают, качая длинными хвостиками, белые с чёрным рисунком трясогузки. Звонким крутым росчерком кончают свою песнь зяблики. Прилетели утки.

Начало второго периода весны	6 апреля
Прилёт скворцов	6 апреля
По земле забегали мелкие паучки	6 апреля
На полях и выгонах вокруг города снег стаял почти полностью	9 апреля
Первая песнь жаворонка	10 апреля
Первые свежие травинки	10 апреля
Начало роста крапивы	10 апреля
Прилёт коршуна	11 апреля
Появление муравьёв на муравейниках	11 апреля
Начало цветения мать-и-мачехи	12 апреля

Прилёт белых трясогузок	12 апреля
Прилёт зябликов	12 апреля
Первые молодые листья у белого ползучего клевера	13 апреля
Прилёт уток	13 апреля
Разорвался сплошной снеговой покров в лесу . .	15 апреля
Появление крупных семиточечных божьих коровок	16 апреля
Начало роста цветоносных стеблей подснежника (сон-травы)	17 апреля
Первые распустившиеся листья у манжетки .	17 апреля
Появление весенних кобылок	17 апреля
В лужах снеговой воды появились жуки: плавунцы и водолюбы	18 апреля
Начало лёта жуков лубоедов-больших садовников	18 апреля

Третий период весны. Кончается таяние зимнего снегового покрова в лесу. Заканчивается ледоход на реках. Вскрылся и очистился от льда городской пруд. Визовский пруд скрылся, но не освободился от льда. Почти всюду оттаяла почва. «Отошли» болота и ходить по ним стало трудно.

Лягушка.

С первого дня периода и до конца его сочится из ранок сок берёзы. Из болтающихся серёжек ольхи вылетает при ударе по ветке облачко пыльцы. В конце периода начинают цвести осина и ивы-вербы. У многих деревьев лопнули набухшие почки и показались кончики молодых листочков: это можно видеть в первых числах периода у бузины, в середине его — у черёмухи и сирени и в конце — у тополя и берёзы.

Свежая зелень пробивается сквозь остатки засохшей прошлогодней травы. Правда, до конца периода преобладающим цветом выгонов, опушек леса остается бурый, но на нём с каждым днём делается всё больше зелёных пятен, сливающихся в зелёные полянки. Началось массовое пробуждение травянистой растительности: всюду видны всходы, свежие побеги самых разнообразных растений. В середине периода на каменистых горках распускаются крупные колокольчики подснежника (сон-травы), а в конце его на опушках леса, среди засохшей травы попадаются цветущие, ещё низенькие стебли медуницы, синеют и голубеют первые фиалки.

Оживлённо в лужах. По поверхности воды скользят клопы-водомерки, описывают круги жуки-вертячки. Шумно справляют праздник весны лягушки. Через несколько дней тут же можно найти студенистые комки лягушечьей икры.

Зашуршали в траве ящерицы. Около кучек навоза копошатся мелкие навозники: красненькие, жёлтенькие. Прибавилось и бабочек: вылетели из зимних убежищ траурницы, лимонницы, павлиний глаз. Около цветущих ив гудят проснувшиеся шмели. А ближе к вечеру тоненьким голосом звенят надоедливые комары-кусаки.

Ящерица.

Журавль.

Продолжается прилёт птиц. Курлыкая, пролетают треугольники журавлей. Тянут вальдшнепы. Над болотами взлетают и падают с блеянием бекасы. Прилетели каменки, лесные коньки, пеночки-теньковки. Многочисленными стаями тянут свою трескучую песнь квекоры-вьюрки. В садах появились ярко окрашенные самцы горихвосток. А в самом конце периода в густых зарослях лесных порубок, ивняке, ольховнике слышится мягкая, мелодичная, плавно ослабевающая песнь пеночки-веснички.

Начало третьего периода весны	19 апреля
Начало сокодвижения у берёзы	19 апреля
Появление бабочек-траурниц	19 апреля
Снеговой покров в лесу сошёл наполовину . .	20 апреля
Прилёт журавлей	20 апреля
Раскрылись почки у бузины	21 апреля
Появление жуков-вертячков	21 апреля
Зазеленели первые газоны в городе	22 апреля
Запылила серая ольха	23 апреля

Появление ящериц	23 апреля
Появление травяных лягушек	24 апреля
Появление бабочек-лимонниц	24 апреля
Появление клопов-водомерок	24 апреля
Появление сибирского тритона	24 апреля
Начало тяги вальдшнепа	25 апреля
Снег в лесу почти полностью исчез	25 апреля
Вскрылся городской пруд	25 апреля
Появление шмелей	25 апреля
Начало цветения подснежника (сон-травы) .	27 апреля
Раскрылись почки у черёмухи	27 апреля
Появление комаров-кусак	27 апреля
Начало «блеяния» бекаса	28 апреля
Прилёт пеночки-теньковки	29 апреля
Начало цветения медуницы	30 апреля
Прилёт горихвосток	30 апреля
Начало цветения ивы козьей	1 мая
Начало цветения фиалки пушистой	1 мая
Раскрылись почки у тополя	2 мая
Прилёт пеночки-веснички	5 мая

Четвёртый период весны. Бурые выгоны и поляны, голые деревья — такой выглядела весна ещё недавно. Молодые всходы и побеги травянистой растительности, редкие цветы, лопнувшие почки деревьев — мало заметны с расстояния. Весна одевается в яркие, зелёные одежды. Деревья одно за другим развёртывают листья. Начинается период зеленения черёмухи и сирени; затем молодой хвоёй покрываются лиственницы; ещё несколько дней, и развёртывают молодые листочки тополя и берёзы, а в самом конце периода — акации и, иногда, липы.

Ласкают взор свежей зеленью молодых листьев ещё недавно просвечивающие насквозь сады и рощи. К концу периода полупрозрачной зелёной дымкой покрываются берёзовые леса в окрестностях города.

«Есть на кусте (лист), есть и под кустом (трава)»,— говорит народная примета. И, действительно, куда ни взглянешь: выгоны, поляны, опушки леса — всё покрыто свежей яркой зеленью травы. Только в лесу всё ещё голо.

Больше стало цветов. Края болот желты от калужницы. На лесных опушках кое-где белеют первые цветочки земляники. На улицах города цветёт одуванчик. Качаются по ветру красные и зелёные серёжки тополей. Пылит берёза. Начинает цвести остролистый клён.

Поспели и первые семена: к концу периода готовы разлететься в разные стороны пушистые сероватые шарики спелых семян мать-и-мачехи.

В лесу прислушивайтесь — пора куковать кукушке. Прилетели ласточки: сначала деревенская с длинным хвостом-вилочкой, а затем попозднее городская — та, которая лепит гнёзда под карнизами домов или даже в нише окон. В лесу запели мухоловки-пеструшки и славки-завирушки. А ближе к концу периода можно услышать и первую песнь соловья.

Одуванчик

Всё больше попадается насекомых. С гуденьем летают крупные навозники-геотрупы. На молодой зелени берёзок сидят майские жуки. Идёт лёт большого соснового слоника — злостного вредителя леса. Зарывая трупы, работают жуки-могильщики. Порхают белые бабочки: брюквенницы и горчичницы. Изредка пролетают синие весенние голубянки.

Майский жук

В начале периода исчезают последние остатки зимы: кончается таяние снега по ямам, под кучами хвороста и очищается полностью от льда Визовский пруд.

Начало четвёртого периода весны	6 мая
Начало зеленения черёмухи	6 мая
Тронулись в рост верхушечные побеги сосны — «пестики»	6 мая
Прилёт мухоловок-пеструшек	6 мая
Прилёт деревенских ласточек	6 мая
Начало зеленения сирени	7 мая
Появление жуков навозников-геотрупов . . .	8 мая
Исчезли последние остатки зимнего снега . .	9 мая
Начало цветения тополя	9 мая

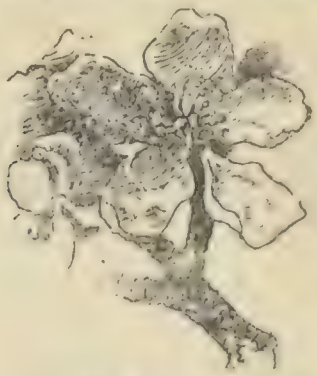
Начало цветения калужницы	10 мая
Начало зеленения лиственницы	10 мая
Начало цветения одуванчика	12 мая
Первое кукование кукушки	12 мая
Начало зеленения тополя	12 мая
Появление жука — большого соснового слоника	12 мая
Запылила берёза	12 мая
Прилёт славок-завирушек	14 мая
Начало зеленения берёзы	14 мая
Сады и рощи города в зелёной дымке распускающихся листьев	14 мая
Сплошной зелёный ковёр травы на выгонах, полянах, опушках леса	15 мая
Начало цветения земляники	15 мая
Появление бабочек-брюквенниц	15 мая
Прилёт городских ласточек	15 мая
Начало цветения клёна остролистого	16 мая
Появление бабочек-горчичниц	16 мая
Появление бабочек весенних голубянок	16 мая
Начало рассеивания семян у мать-и-мачехи	17 мая
Берёзовый лес в зелёной дымке	17 мая
Начало зеленения акации	18 мая

Пятый период весны. Оделась весна в зелёные одежды, украсилась цветами. Белое покрывало накинули черёмухи. Цветёт красная бузина. Белеют и розовеют от цветов яблонь и вишен мичуринские сады. Желтеют склоны холмов от ракитника, а сырые луга — от шаровидных цветов купавок. Жёлтыми кажутся и акации. Лиловые душистые кисти распускаются в середине периода на сирени. А в самом конце весны — на переходе в лето — зацветает татарская жимолость, раскрываются пахучие соцветия рябины.

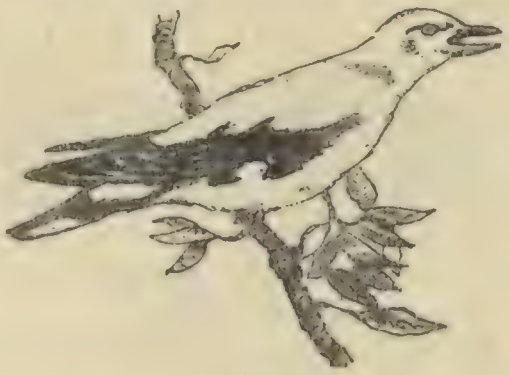
Много цветов повсюду. 60 процентов растений, цветущих весной, начинают цвести в последний период. С каждым днём вступают в цветение новые виды растений. И чем ближе к лету, тем больше становится их число. В начале периода зацветают сочевичник весенний, клевер люпиновый и мятлик однолетний; в середине — княженика, кошачья лапка, вероника-дубровка и в конце — герань ложносибирская, гусиная лапка, истод, клевер: белый ползучий и красный луговой, багульник, чина гороховид-

ная, горошек призаборный, астрогал, подорожник средний, гравилат речной. В это же время начинает пылить можжевельник, лететь пыльца из «крупянок» сосны.

Зазеленели липы, и позже всех деревьев в лесу распустила свои нежные, дрожащие листья осина. Пробралась зелень и в глубину леса:



Цвет яблони



Иволга

яркими нежнозелёными пятнами выделяются черноплодники, распустившие свои листья, среди которых незаметны невзрачные цветочки.

В конце периода начинается рассеивание поспевших семян у рано-

Маслята

Стрекоза

цветущих ив и осины, распускаются пушистые шары семян одуванчика, готовые полететь при первом дуновении ветра. В мелких сосняках при тщательных поисках можно найти первые маслята.

Заканчивается прилёт птиц. С визгом реют по улицам города чёрные стрижи. Насвистывают свою коротенькую песенку прилетевшие издалека черемошники. Запели в кустах, перемешивая копируемые песни многих птиц с характерным «чек-чек», садовые камышовки. В болотистых зарослях по берегам ручьёв и рек тянется однообразное, похожее на стрекотание кузнечика, пение камышовки-сверчка. На лугах, в густой траве затрещал коростель.

Насекомых много. Бросаются в глаза бабочки: крупные, бледно-жёлтые махаоны, белые с огненными верхушками крыльев зорьки и жёлтые перламутровки. Около цветущих деревьев летают жуки-бронзовки. Прибыло комаров: началось вылупление из куколок комаров-кусак из рода эдес, самого обильного видами. Появились крупные пятнистые стрекозы.

Начало пятого периода весны	19 мая
Начало цветения черёмухи	19 мая
Начало зеленения липы	19 мая
Прилёт чёрных стрижей	21 мая
Начало цветения черники	22 мая
Прилёт черемошников	22 мая
Начало цветения ракитника	22 мая
Начало цветения купавок	23 мая
Начало цветения бузины красной	23 мая
Появление бабочек-зорек	25 мая
Начало цветения сибирской яблони	25 мая
Начало цветения жёлтой акации	25 мая
Появление бабочек-махаонов	25 мая
Первый крик иволги	27 мая
Начало цветения сирени лиловой	27 мая
Прилёт камышовок садовых	29 мая
Начало цветения брусники	30 мая
Прилёт камышовок-сверчков	30 мая
Появление первых маслят	30 мая
Начало цветения белого ползучего клевера	30 мая
Начало цветения багульника	30 мая
Запылил можжевельник	31 мая
Начало рассеивания семян у одуванчика	31 мая
Начало рассеивания семян у осины	31 мая
Запылила сосна	31 мая
Первый крик коростеля	1 июня
Появление жуков-бронзовок	1 июня
Начало цветения жимолости татарской	2 июня
Начало цветения рябины	3 июня
Начало лета	3 июня

(Продолжение в следующем номере «Боевые ребята»).

Ручейки

Е. Долинова

Рисунки Е. Гилёвой

В день весенний и погожий
Два шумливых ручейка
Лезут под ноги прохожим:
«Где река?
Где река?»

Пробежали мимо скверов,
Мчатся к парку пионеров,
Задержались здесь на миг:
Влево или напрямик?
«Где река?
Где река?
Мы бежим издалека».

Отвечает им народ:
«Дальше, милые, вперёд».

Разговаривая звонко,
Мчатся дальше вперегонки...
Вдруг пред ними водоём,
Отразилось солнце в нём.

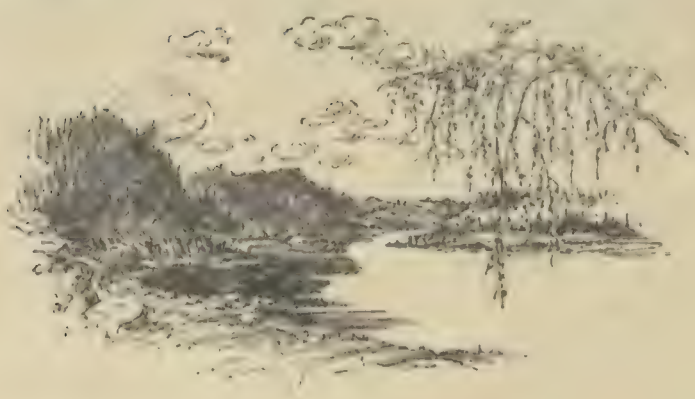
Подбегают к водоёму
Два весёлых ручейка,
Говорит один другому:
«Это вовсе не река.
Попадёшь сюда на горе,
Не увидишь сине море,
Здесь стоячая вода,
Мне не хочется сюда».

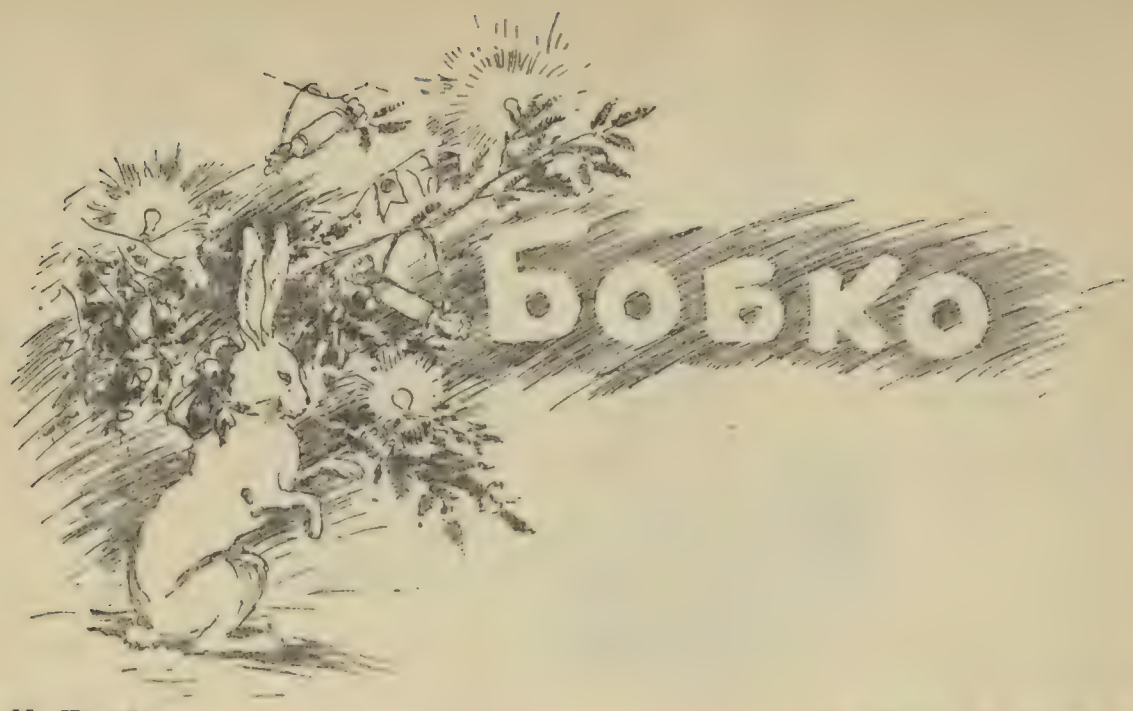
Оба в сторону метнулись
И... нечаянно столкнулись,
И слились в один ручей.
Стал он больше и бойчей!

И опять бегут вперёд.
Вправо, влево поворот...
Вдруг навстречу выбегает
Ручеёк из-под ворот.
«Где река?
Где река?»—
Слышен голос ручейка.
«Сами ищем,
Сами ищем,
Не нашли ещё пока.
Слейся с нами, так втроём
Мы её быстрей найдем!»

И вот, наши ручейки
Мчатся к берегу реки,
Трое, все в одном потоке,
Словно давние дружки.
«Разыскали, пострелята?»—

Улыбается река.
И нырнули вглубь куда-то
Три весёлых ручейка.
И другие мчатся с кручи,
Чтобы стать рекой могучей!





Н. Трубин *Рисунки Е. Гилёвой*

Низко ползли серые тучи. Валил снег. Снежинки кружились в воздухе и, упав на землю, бежали по дороге длинными стайками; некоторые из них задерживались около камешков, около щепок, в канавах, у телефонных столбов, около амбаров и накапливались бугорками.

В четвёртом классе у окна стояли, обнявшись, два друга — четвероклассник Серёжа и первоклассник Коля. Оба смотрели на облака, на голые тополя и на бегущие по земле снежинки.

Серёжа, вздрогнув, сказал:

— Холодно.

Коля в знак согласия кивнул головой.

— Зайчику холодно сейчас?

— Не жарко,— подтвердил Серёжа.

Им вспомнился зайчишка, которого они не раз видели за осиновой рощей, на меже, около зарослей шиповника.

Октябрь, а зайчик всё ещё небольшой, видимо, из позднего выводка. Охотники таких зайчат называют листопадничками.

Мальчикам было жаль зайчика. Они боялись, что он или замёрзнет или попадёт в лапы волка...

В школе становилось шумнее и веселее: прибежали ребята. Затеяли игру в ляпки, и Серёжа с Колей убежали от окна.

Из сторожки показался дед Иван с высоко поднятым в правой руке блестящим звонком.

У Коли первый урок была грамота. Весь класс хором и в одиночку читал: ви-лы, ни-ва, и-ва, со-вы, Во-ва...

Учительница Валентина Павловна ходила между рядами парт с букварём в руках. Колю она вызывала два раза читать. Мальчик читал отчётливо, громко и чувствовал себя героем: прочитает и посмотрит на ребят и на учительницу.

Серёжа в это время решал задачу.

Задача была в четыре действия. Некоторые ребята уже решили, а Серёжа отстал и торопился. На грех ещё сломался карандаш. Наконец, он нашёл ошибку, и всё пошло хорошо.

На перемену четвёртый класс вышел позже. В коридоре уже играли, бегали, пели, смеялись. Коля вертелся около ребят второго класса. Серёжа схватил друга за руку, и они опять убежали к тому же окну в четвёртом классе.

— А я, Коля, придумал, как поймать зайчонка,— таинственно сообщил Серёжа.

— Как?

— У моего дедушки есть тропники[1]. Раньше он ими зайцев ловил. Подкрадёмся, поставим, пугнём его из куста,— и он побежит в тропники.

Коля запрыгал от радости.

* * *

В воскресенье выдался тёплый погожий день. Серёжа и Коля с товарищами Мишей и Гришухой, нагрузившись тропниками, направились за осиновую рощу ловить зайчишку.

— Дед наказывал не шуметь, даже не кашлять; подходить из-под ветру,— наставительно говорил друзьям Серёжа.

Прошли картофельное поле, миновали старые берёзы, начался лес. С дерева на дерево, с ветки на ветку с звонким попискиванием перелетали бойкие синицы. Три сороки о чём-то трещали в черёмуховом кусту.

Вон и заросли шиповника на меже. «Тут ли зайчишка?»— подумал каждый. В прошлые дни зайчишка с лёжки[2] убегал межой к березнику.

---

[1] Тропники — сеть для ловли зверей.

[2] Лёжка — место, где лежит, скрывается зверь.

Отдохнули. Потом далеко обошли шиповник и поползли.

Поставили десять тропников. Серёжа присел за кустиком полыни, остальные пошли пугать зайца. Солнце ярко освещало жнивы, стволы берёз, осин и сосен, приютившихся в березнике.

— А если нет зайчишки на старом месте? А вдруг много зайцев забежит? А что, если лиса заскочит в тропники?— думал Серёжа.

— Уля! Уля! Держи! Улю-лю!— послышались звонкие крики загонщиков.

Зайчишка лежал на старом месте. Услышав неистовые крики и увидев ребят, он выскочил из куста и стремглав пустился по старой тропе к березняку, ударился в тропник, уронил его и запутался в сетке.

Серёжа тут как тут. Поймал прыгающего под тропником зайчишку. Тот ударил задними лапами и больно оцарапал руку Серёже.

Прибежали запыхавшиеся Коля, Гришуха и Митя. Зайчишка, прижав уши, дрожал и пугливо смотрел кроткими чёрными глазами на шумливых ребят.

— Я вижу: тропник упал, а зайца не заметил!— рассказывал Серёжа.— Подбежал, а он тут.

Шумные и радостные, возвращались ребята домой.

— Клетку сделаем.

— Морковкой будем кормить!

— От собак нужно беречь, а то разорвут.

Серёжа унёс зайца к себе. Любимого кота Лапку даже не пускал в комнату, чтобы тот не обидел зайчишку.

Четыре дня друзья мастерили клетку.

Узнала вся школа, что ребята держат зайца. Каждый день кто-нибудь из учеников приходил посмотреть на зверька.

Дали зайчишке кличку Бобко.

Бобко сидел в клетке, как в павильоне плодоовощной выставки: тут и морковь, и капуста, и брюква, ветки осины и ивняка, и овёс — чего душа желает.

Чаще всего Бобко хрупал морковку, грыз осиновые ветки.

На дворе уже во всю хозяйничала зима. Выпал снег. Река покрылась льдом. Бобко с боков начал белеть.

Как-то в четвёртом классе зашел разговор о зайчишке, тут же была и Валентина Павловна.

Весь класс стал просить учительницу о том, чтобы она разрешила держать Бобко в классе.

— Мы будем за ним ухаживать,— говорили ребята.

Валентина Павловна разрешила, и Бобко был водворен в класс.

Главными шефами над ним так и остались Серёжа и Коля.

Бобко весь сделался белым, только на спине ещё виднелась серая полоска. Он знал уже свою кличку. Позовёт его кто-нибудь из ребят, он поведёт ухом или глаз скосит. Выучили ребята зайца служить на задних лапках.

Иногда после уроков Бобко выпускали из клетки. Вначале он прыгал между партами, потом осмелел и стал гулять по всей школе.

Дед Иван топит печи. Прыгает Бобко по коридору, а дед сидит около потрескивающей печки и бормочет:

— Тепло тебе здесь, Бобко. А в поле холодно, волки, лисы, филины.

Один раз ребята пришли в класс и ахнули: у шкафа валялась опрокинутая бутылка, а пол весь был покрыт чернильными следами. Следы были даже на партах, на столе. Мордочка у Бобко была тоже в чернилах: видимо, чистил. У зайцев привычка передними лапками мордочку чистить.

На Бобко-маляра в тот день приходили смотреть все классы. Посмотрел и дед Иван, покачал седой головой и сказал:

— Ну и рожица.

А Бобко преспокойно грыз осиновую ветку.

Умел зайчишка и сердиться; громко застучит задними лапками о пол; так он делал, когда просил есть. Ребята знали: дадут морковку или осину, и Бобко успокоится.

Приближались зимние каникулы. Скоро Новый год. Ребята готовились к ёлке.

Коля и Серёжа оставались после занятий и учили зайчишку. Поставят на бок табурет, за ним морковку положат, сядут по обе стороны табурета и манят зверька к морковке:

— Бобушко, прыгни.

Добились своего, научили.

Настал день ёлки... Пришли отцы и матери посмотреть на веселившихся ребятишек. Когда детвора окружила сверкающую ёлку с дедом Морозом, Коля принес Бобко и пустил в круг. У зайца на шее был бантик из зелёной ленточки.

Смеху было! Играют ребята вокруг ёлки, а Бобко прыгает на задних лапках по кругу. На ёлке ребята пели, плясали, декламировали. И Бобко выступал: прыгал через табурет, служил на задних лапках.

...Повернуло солнышко на весну. Закапало с крыш, почернела дорога, прилетели грачи. Двадцать восьмого марта у школьных скворешен показались первые скворцы.

Бобко начал сереть. Ребятишки часто сидели около него.

— Весна,— говорил Сережа.

— Тепло,— откликался Коля.

— Что будем делать с Бобкой?

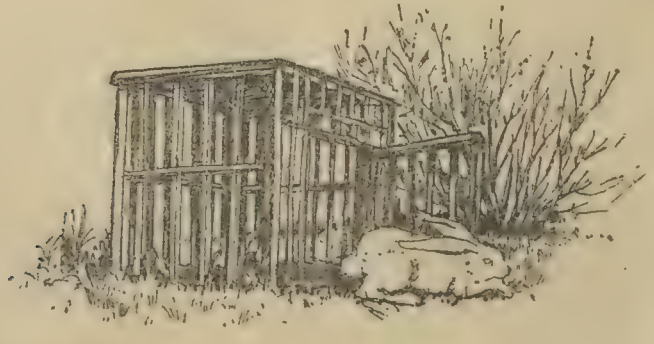
Надо было выпустить, а жалко; оставить на лето в клетке — тоже жаль. Валентина Павловна посоветовала отпустить на волю.

Уже согнало весь снег. Изумрудной травкой покрылись поляны, в зеленоватой дымке стояли берёзы, осины украсились пушистыми серёжками.

Четвёртый класс пошёл выпускать Бобко в лес. Клетку несли по очереди на маленьких носилках. Миновали осиновую рощу. Вот и родные Бобкины места. Поставили клетку, открыли, присели около. Долго Бобко не выходил из клетки, потом выскочил, почистил мордочку, поднялся на задние лапки, попрыгал около, подскочил к Коле.

— Не надо отпускать,— со слезами просил Коля.

Решили пугнуть. Только тогда Бобко поскакал к лесу. Несколько раз остановился, присел. Вот уже и лес, ещё раз присел Бобко, а потом прыгнул и скрылся между деревьями.



М. Морозова *Рисунки М. Щировского*

Недалеко от Джуруна, на зелёном лугу паслись: козлёнок, телёнок, ишачонок и верблюжонок.

Был май. Светило солнце. Пели жаворонки, кругом свистели суслики.

Трава на лугу росла низенькая, цветочки цвели только жёлтенькие и маленькие, но ишачонку, козлёнку, телёнку и верблюжонку всё казалось прекрасным, потому что лучшего они еще ничего не видели: на свете они жили всего только месяц.

Козлёнок весь чёрненький, шерстка у него блестит на солнце, как шёлковая, а ножки до колен беленькие, будто мама связала и надела ему сапожки. Козлёнок поднимется на задние ножки, нагнёт головку и подскочит к телёнку, всё боднуть его хочет, да рожки ещё не выросли.

Телёнок весь коричневый, как бархат, только на лбу белое пятнышко, на конце хвостика пушистая кисточка с белым пучком шерсти в серединке.

Телёнок брыкает ногами, задирает высоко свой хвостик и бегает по траве.

За телёнком бежит ишачонок, серенький с чёрной полоской на спинке; уши у него длинные, пушистые; ишачонок то закинет их назад, то поднимет вверх. Хвостик у ишачонка тоже с кисточкой.

Верблюжонок стоит тихо поодаль от товарищей: он скучает без мамы.

Телёнок остановился, посмотрел на товарищей, на луг; ему было так радостно, так хорошо и так хотелось как-нибудь выразить свою радость, что он вдруг крикнул:

— Какой я хорошенький! Посмотрите, какой у меня хвостик! — и снова брыкнул задними ножками вправо, брыкнул влево, задрал свой хвостик ещё выше и, помахивая кисточкой, помчался по лугу.

— Нет!.. Я самый хорошенький! — заблеял козлёнок.— У меня шубка шёлковая, на ножках беленькие сапожки, и я бодаться умею!

Тут козлёнок поднялся на задние ножки, нагнул головку и ткнул лобиком подбежавшего телёнка.

— Я красивее вас! — подошёл ишачонок: — Посмотрите, какая у меня шубка! А разве у вас такие же уши, как у меня?

Ишачонок поднял правое ухо, откинул его назад, потом поднял левое ухо и повёл его вперёд; потом поставил оба уха прямо и вдруг ударил ими по носу телёнка.

— Я самый красивый!

Тут козлёнок, ишачонок и телёнок начали спорить, кто всех красивее.

— Я тоже хорошенький! — вдруг подошёл к ним верблюжонок.

Он был рыженький, на длинной изогнутой шее покачивалась маленькая головка с рыжим хохолком между маленькими ушами; на спинке два горбика, ножки длинные, хвостик такой длины, чтобы только-только отмахнуться от мух. Но глаза у него большие чёрные и такие кроткие, ласковые.

— У-у! Урод,— закричали на него телёнок, козлёнок и ишачонок,— не хотим с тобою играть! Уходи!

А глаза-то его они и не заметили.

Верблюжонок заплакал и отошёл от них.

Вдруг из балки[1] выскочила волчиха с тремя волчатами и кинулась на козлёнка, телёнка, ишачонка и верблюжонка: она вывела своих волчат учить охотиться за добычей.

Один волчонок подбежал к козлёнку и ухватил его за ножку. Другой кинулся к телёнку. Телёнок повернулся, хотел бежать, но волчонок вцепился в его хвостик; а третий волчонок подскочил к ишачонку. Ишачонок удивился, поднял ушки, наклонил

---

[1] Балка — длинный овраг.

их вперёд, да пагнул и головку, а волчонок и уцепился за ухо. Волчата ещё не умели охотиться и хватались за что попало.

— М-я-я!

— Б-я-я! — в ужасе закричали козлёнок, телёнок и ишачонок.

А волчиха бросилась к верблюжонку. Только хотела его схватить за горло, а он как фыркнет, да плюнет прямо волчихе в глаза. Волчиха зарычала, хотела лапой протереть глаза, как верблюжонок плюнул вторично и совсем ослепил ее.

Волчиха рычит, лапами протирается, а верблюжонок передними ножками как ударит её по голове!

Взвыла волчиха. А тут уж и люди услышали шум, ребята бегут на помощь.

Позвала волчиха своих волчат да бежать скорее в балку...

На другой день опять светило солнце, пели жаворонки, свистели суслики. На лугу опять паслись: козлёнок, телёнок, ишачонок и верблюжонок, но они не прыгали: у козлёнка была забинтована ножка, у телёнка хвостик, у ишачонка пушистое ушко. Только у верблюжонка не было никакой раны.

— Ты лучше всех! — проблеял козлёнок верблюжонку.

— Мы будем с тобой всегда играть! — подошёл к нему телёнок.

— Ты самый хорошенький! — добавил ишачонок.

Верблюжонок кротко посмотрел на них своими большими глазами и ничего не ответил: он учился есть траву и набил ею себе полный рот.

А. С. ПОПОВ

(1859—1906)

13 января советская страна отметила 45 лет со дня смерти выдающегося русского учёного Александра Степановича Попова. А. С. Попов дал человечеству радио — самый совершенный вид связи. Благодаря работам гениального учёного нашей стране принадлежит приоритет[1] в открытии радиолокации[2] и радионавигации[3].

Александр Степанович Попов родился 16 марта 1859 года в посёлке Турьинский рудник на Северном Урале. С детства он увлекался техникой, строил модели различных механизмов. Не удовлетворяясь теми знаниями физики и математики, которые ему давала школа, он самостоятельно изучал любимые предметы. Особенно интересовал его отдел электричества. Попов мастерил электрические приборы и показывал друзьям занимательные опыты.

Родители устроили Попова в Пермскую семинарию, но он не хотел быть священником. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он, само-

---

[1] Приоритет — первенство в открытии, изобретении.

[2] Радиолокация — метод обнаружения с помощью радиоволн невидимых в пространстве предметов.

[3] Радионавигация — кораблевождение с помощью радио.

стоятельно подготовившись, сдал вступительные экзамены в Петербургский университет и стал студентом физико-математического факультета. Радости Попова не было границ: Петербургский университет был мечтой лучших представителей русской молодёжи, стремившихся отдать свои способности на благо Родины. В ту пору в университете преподавали всемирно известные учёные: Д. И. Менделеев, П. Л. Чебышев, А. М. Бутлеров, Ф. Ф. Петрушевский.

Жить в Петербурге было трудно, родители не могли помогать Попову, и молодой студент совмещал учёбу с работой. Он давал уроки в частных домах, принимал участие в электрификации Петербурга, работал на одной из первых петербургских электростанций. Электротехникой, которая в ту пору, по выражению самого Попова, ещё «барахталась в пелёнках», он очень заинтересовался. Попов познакомился с замечательными русскими электротехниками П. Н. Яблочковым, А. Н. Лодыгиным и никогда уже не порывал с ними связи.

В 1882 году Попов блестяще закончил университет и стал преподавателем минного офицерского класса в Кронштадте. Это было первое в России электротехническое училище. Оно готовило специалистов по минному делу и электротехнике. Здесь Попов проработал около восемнадцати лет, занимаясь исследованиями в области электротехники. Здесь он изобрёл радио.

7 мая 1895 года на заседании русского физико-химического общества Попов продемонстрировал первый в мире радиоприемник. Усовершенствовав своё изобретение, 24 марта 1896 года он передал первую в мире радиограмму.

Вскоре радиотелеграф Попова выдержал практическое испытание. У острова Гогланд сел на камни русский броненосец. Для спасательных работ нужно было быстро установить связь с Кронштадтом, и Морское ведомство решило применить беспроволочный телеграф. Первая в мире практическая радиосвязь действовала несколько месяцев, пока броненосец не был снят с камней.

Жить и творить Попову пришлось в царской России. Царские чиновники, преклонявшиеся перед заграничным, не могли по достоинству оценить гениальное изобретение соотечественника. Пользуясь этим, иностранные дельцы решили присвоить себе открытие русского учёного. Через несколько месяцев после того, как Попов передал первую в мире радиограмму, в газетах появилось сообщение о том, что способ телеграфирования без проводов изобрёл итальянец Маркони. Когда же была опубликована схема приёмника Маркони, все, кто знал об изобретении Попова, увидели, что она ничем не отличается от схемы Попова.

описанной ещё в январе 1896 года. Маркони использовал схему русского изобретателя, взяв её из русских журналов.

Покровителям Маркони — англо-итальянским капиталистам не удалось добиться его приоритета. Факты устанавливают бесспорно, что приоритет в величайшем достижении науки и техники принадлежит талантливейшему сыну великого русского народа.

Иностранные дельцы дважды предлагали Попову переехать за границу. Но с гордостью истинного патриота он ответил: «Я — русский человек, и все свои знания, весь свой труд, все свои достижения я имею право отдавать только моей Родине».

А. С. Попов скончался 13 января 1906 года. Ему удалось видеть только первые шаги своего замечательного изобретения. После Великой Октябрьской социалистической революции радио в нашей стране достигло высшего использования: оно служит народу. Первой передачей советского радио было обращение к гражданам России, написанное В. И. Лениным. Оно возвестило миру о победе пролетарской революции в нашей стране.

В. И. Ленин высоко ценил значение радио. В 1920 году он писал основателю Нижегородской радиолаборатории М. А. Бонч-Бруевичу: «Газета без бумаги и «без расстояний», которую Вы создаёте, будет великим делом». Он мечтал о том, что «вся Россия будет слышать газету, читаемую в Москве». Мечту Ленина советский народ успешно осуществил под руководством товарища Сталина. Голос советского радио разносится по всему земному шару. Это голос правды и свободы, голос великого народа, ведущего борьбу за мир и строящего новое, коммунистическое общество.

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

(1826 — 1889)

27 января исполнилось 125 лет со дня рождения великого русского писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Михаил Евграфович Салтыков родился в 1826 году в дворянской семье. Ещё в юные годы будущему писателю постоянно приходилось наблюдать сцены бесчеловечно жестокого обращения помещиков с крепостными крестьянами. Крепостных, которые находились на положении рабов, помещик мог за малейшую провинность засечь плетьми, затравить собаками, отдать в солдаты. Эти «ужасы вековой кабалы» на всю

жизнь запомнились юноше, внушили ему ненависть к угнетателям трудового народа.

В 1844 году Салтыков окончил Царскосельский лицей, где раньше учился А. С. Пушкин, и поступил на службу. В эти годы будущий писатель увлекается статьями великого русского критика В. Г. Белинского, близко сходится с представителями передовой молодёжи. В своих первых произведениях он говорит о необходимости переустройства несправедливого общественного строя.

В 1848 году во Франции и других странах Европы произошли революционные восстания. Боясь народного возмущения, царское правительство отдало приказ об аресте всех революционно мыслящих передовых русских людей. Салтыков был сослан в Вятку, где провёл семь лет. Годы ссылки дали писателю возможность изучить жизнь народа, изнывавшего под крепостническим гнётом. Наблюдения, сделанные Салтыковым в провинции, послужили материалом для его «Губернских очерков», опубликованных в 1856 году под псевдонимом Н. Щедрин. В этом произведении изображается паразитическая жизнь помещиков, произвол царских властей, казнокрадство чиновников.

Вскоре Салтыков-Щедрин стал одним из видных сотрудников журнала «Современник», выражавшего взгляды революционно настроенной части русского общества. Во главе «Современника» стояли Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов.

В начальный период своей литературной деятельности Щедрин считал, что положение народа можно облегчить, не изменяя существующего строя. Последующие события заставили его отказаться от этих взглядов. В 1861 году царское правительство, боясь всенародного восстания, издало указ об отмене крепостного права. Однако это «освобождение», выгодное только богачам, ставило крестьян в условия, ещё более тяжёлые, чем до сих пор. Это очень скоро понял Щедрин. В своих произведениях тех лет он разоблачает лживый характер реформы 1861 года, резко выступает против болтунов — либералов, предавших интересы народа.

В 1868 году Щедрин вместе с Н. А. Некрасовым становится во главе журнала «Отечественные записки», вокруг которого группировались наиболее передовые представители русской общественной мысли. Революционное движение в стране к этому времени было подавлено. Сотни выдающихся русских революционеров были заключены в тюрьмы, а их вождь Н. Г. Чернышевский отбывал каторгу в Сибири. Правительство торжествовало победу. Но и в этих невероятно трудных условиях Щедрин сумел найти новые способы борьбы с царским строем. Не имея возможности выступить открыто, писатель был вынужден прибегать к так

называемому «эзопову языку»[1], к сатирическому[2] осмеянию существующих порядков. В произведениях, выглядевших, на первый взгляд, совершенно безобидно, он обрушивался на все остатки крепостничества, терпеливо разъяснял, что за красивыми словами о «свободе» скрывается господство новых хищников-капиталистов, во много раз более жестоких и беспощадных, чем помещики. Эти новые «хозяева» России были показаны Щедриным в сатирических образах Дерунова, Колупаева и Разуваева.

«Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо кроме России»,— писал Щедрин. Пламенная любовь к Родине, к умному и талантливому русскому народу, страдавшему под властью царя, помещиков и капиталистов, придавали писателю сил в самые трудные моменты. Горячо любя народ, великий сатирик с тем большей страстью боролся против кулаков-мироедов, против помещиков и царских прислужников — против всех врагов трудового люда.

В «Истории одного города» писатель ядовито осмеял произвол и самодурство царских властей, не пощадив и представителей императорской фамилии.

В лучшем из своих произведений «Господа Головлёвы» Щедрин показал ничтожество и паразитизм класса помещиков, их неумение приспособиться к новым условиям, их обречённость на гибель. В бессмертном образе Иудушки Головлёва писатель воплотил такие характерные для всего мира собственников черты, как лицемерие, двурушничество, бессмысленная страсть к накоплению.

В 1884 году журнал «Отечественные записки» был закрыт. На специальном заседании царских министров литературная деятельность Щедрина была признана опасной. Но престарелый, тяжело больной писатель, лишённый возможности печатать свои произведения во многих журналах, ни на минуту не прекращал борьбы. В эти годы им созданы замечательные «Сказки». Используя старинную форму русской сказки, он наполнял её боевым, остро-злободневным содержанием. В сказках «Дикий помещик» и «Как мужик двух генералов прокормил» Щедрин ещё раз ярко показал, что господствующие классы живут за счёт крови и пота трудового народа. С большой теплотой и любовью народ изображён в сказке «Коняга». Зло высмеивал сатирик трусливых обывателей, напуганных расправой правительства с революционерами. Особенно интересны в этом отношении сказки «Премудрый пескарь» и «Самоотверженный заяц». Гневом и презрением звучит голос писателя, когда он говорит

[1] «Эзопов язык»— иносказательный.
[2] Сатирический — злой, едкий, осуждающий.

о либеральных болтунах, предавших дело народа (сказка «Либерал»). Сказка «Медведь на воеводстве» прямо направлена против царской власти.

В своём последнем произведении «Пошехонская старина» Щедрин правдиво рассказал об ужасах крепостного права.

Умер М. Е. Салтыков-Щедрин в 1889 году.

Вся жизнь великого писателя — пример пламенной любви к Родине, неутомимого служения родному народу.

Произведения Щедрина жадно воспринимались революционной молодёжью, претворявшей мысли писателя в жизнь. В составе одной из делегаций, посетивших писателя незадолго до его смерти, были Александр и Анна Ульяновы, старшие брат и сестра В. И. Ленина.

Впоследствии В. И. Ленин и И. В. Сталин широко использовали произведения Щедрина в борьбе с врагами революции.

Книги М. Е. Салтыкова-Щедрина помогают советским ребятам лучше узнать тяжёлое прошлое нашей страны и ещё больше оценить счастливое, радостное детство, которое дала им партия большевиков во главе с великим Сталиным.

И. П. ПАВЛОВ

27 февраля 1936 года, пятнадцать лет тому назад, скончался величайший русский учёный и патриот нашей Родины Иван Петрович Павлов.

Иван Петрович родился и вырос в Рязани. Семья его была небогата, и Ивану Петровичу, старшему сыну, приходилось много помогать матери в домашнем хозяйстве и в уходе за младшими детьми. Дети в семье приучались к порядку, труду и аккуратности. Отец Пётр Дмитриевич Павлов был строг и требователен. «Делу — время, потехе — час» — была его любимая поговорка.

Всё свободное время отец проводил в небольшом садике около дома, где он развел питомник яблонь. Дети часто помогали ему. Эта любовь к садоводству и труду на свежем воздухе сохранилась у Ивана Петровича на всю жизнь.

Учиться Иван Петрович начал в семинарии. Он с благодарностью вспоминал годы своего учения. Это было время, когда великие русские демократы-просветители пропагандировали революционные идеи. Эти идеи проникли и в среду рязанской интеллигенции. Молодёжь читала статьи Чернышевского, Добролюбова и других писателей-демократов и горячо обсуждала их.

Через статьи Писарева Павлов познакомился с идеями Дарвина. Под их влиянием у Ивана Петровича сложилась уверенность в силе и могуществе естествознания, и он твёрдо решил заняться изучением естественных наук.

С каждым годом расширяется кругозор Ивана Петровича. Он очень много читает. Любимой его книгой была работа И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга». К этой книге он не раз обращался и впоследствии.

Не закончив семинарии, Иван Петрович уехал в Петербург, чтобы получить университетское образование. В 1870 году он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. С первого же года Павлов избрал своей специальностью физиологию животных.

После окончания курса Иван Петрович остался в университете ещё на один год для того, чтобы закончить научную работу. Но окончание университета и успешное завершение работы, которая была удостоена золотой медали, не дали Павлову удовлетворения. Его привлекает более глубокое изучение физиологии. И в 1875 году он поступает на третий курс Петербургской медико-хирургической академии.

Долгое время после окончания академии Иван Петрович заведует физиологической лабораторией при клинике С. П. Боткина. В 1884 году он защитил докторскую диссертацию и получил звание приват-доцента.

В 1900 году Павлов был выбран профессором фармакологии Петербургской медико-хирургической академии, а затем был назначен заведующим отделом физиологии института экспериментальной медицины.

Это были годы напряжённой творческой работы. Свои поиски и труды в области физиологии пищеварения Иван Петрович связывал с борьбой за выздоровление человека.

До Великой Октябрьской социалистической революции условия, в которых работал Павлов, были чрезвычайно тяжёлыми. Многие приборы он изготовлял сам. Подопытных собак Иван Петрович кормил дома. Постоянно приходилось экономить в личном обиходе и научных расходах.

Только после утверждения советской власти изменились условия развития науки в России. Учёным были предоставлены лаборатории, оборудование, целые опытные городки.

Специальным постановлением Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина была создана комиссия под председательством А. М. Горького, которая должна была обеспечить наиболее благоприятные условия для научной работы академика Павлова и его сотрудников. Не были забыты и условия жизни Ивана Петровича и его семьи.

В результате все научные работы Павлова были обеспечены материалами. В павловских лабораториях начался период кипучей работы. В 1927 году Павлов приступил к организации в селе Колтуши (теперь Павлово) Биологической станции. В 1929 году в связи с 80-летием Павлова Совет Народных Комиссаров отпустил большие средства для переоборудования лаборатории и строительства нового здания Биологической станции. В Колтушах возник научный городок — целый комбинат лабораторий, питомников для собак — величайшее научное учреждение.

Со всех концов страны едут к Павлову молодые врачи, которые становятся его учениками. Иван Петрович создает свою научную школу, в основе которой лежит коллективная работа.

Еженедельно собирались все сотрудники научного городка и обсуждали результаты опытов, проведённых за неделю. Обсуждение велось в форме простой беседы, доходившей иногда до горячих споров.

Большую работу проводил Иван Петрович как преподаватель. Аудитории на его лекциях были переполнены. Павлов сообщал о результатах своих завершённых работ и о ведущихся опытах. Лекции всегда сопровождались демонстрацией опытов. Иван Петрович очень большое значение придавал наглядному обучению. Он всегда стремился вовлечь студентов в научно-исследовательскую работу, считая, что только таким путем можно воспитать настоящих советских специалистов.

Заслуги Ивана Петровича перед наукой чрезвычайно велики. В области физиологии он был настоящим новатором. Он всегда стремился изучать организм животного в естественном состоянии, когда животное может нормально реагировать на все внешние раздражения. В результате Иван Петрович создал стройное материалистическое учение о работе пищеварительных желез. Его труды в этой области были направлены на то, чтобы удовлетворить запросы практической медицины.

В основе работ Павлова в любой отрасли физиологии лежала идея «нервизма», под которым Павлов понимал широкое влияние центральной нервной системы на любой процесс в организме.

Колоссальное значение для науки имело учение Павлова о высшей нервной деятельности, учение об условных и безусловных рефлексах. Эти работы Ивана Петровича заложили прочную основу для развития материалистической психологии и полностью развенчали «учение» буржуазных психологов о душе. Этим работы Павлова приобрели громадное значение для борьбы с религиозными предрассудками.

Всю свою долгую жизнь отдал Иван Петрович служению науке. В письме, направленном в президиум Академии наук СССР, он писал:

«...Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, сколько позволяют мне мои силы прежде всего моему отечеству, нашей русской науке. И это есть и сильнейшее побуждение и глубокое удовлетворение».

Дело Павлова после его смерти продолжают его ученики — советские физиологи: К. М. Быков, И. П. Разенков, А. Д. Сперанский и многие другие. Они углубляют и развивают учение Ивана Петровича. Особое внимание уделяют советские физиологи дальнейшей разработке вопросов, относящихся к высшей нервной деятельности.

Широкое распространение получило лечебное использование сна, впервые введённое Павловым. Как мы знаем, сейчас «сонная терапия»[1] применяется для лечения многих болезней. Наследие Ивана Петровича даёт советской науке громадные возможности для борьбы за оздоровление народных масс.

Дело Ивана Петровича Павлова живёт в работах его учеников и продолжает служить советской науке, советскому государству.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(1814—1861)

Великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко родился 9 марта 1814 года в селе Моринцы, Киевской губернии, в семье бедного крепостного крестьянина, принадлежащего помещику Энгельгардту. Безрадостными были детские годы маленького Тараса. Рано испытал он тяжесть подневольного труда. На девятом году жизни мальчик потерял мать, а ещё через два года остался круглым сиротой и пошел в услужение к чужим людям.

Горько было потом поэту вспоминать своё детство.

Дрожу, когда лишь вспоминаю
Ту хату на краю села!..
...Я в хате той
Не счастье и не рай святой —
Я ад узнал в ней... Там забота,
Нужда, неволя и работа.

Мальчик сначала батрачил у дьячка, обучавшего деревенских ребят. У него он научился грамоте.

Тяжело приходилось расплачиваться за обучение и кусок хлеба: мальчика заставляли носить воду, убирать помещение школы, его часто

---

[1] «Сонная терапия» — лечение сном.

били. Единственной радостью для Шевченко было чтение и рисование. Особенно любил он наблюдать живописную украинскую природу.

Не выдержал Шевченко сурового режима в школе и бежал от деспота-дьячка. Началась трудная, полная мытарства, скитаний и лишений, жизнь.

Пятнадцатилетним мальчиком Тарас был зачислен в дворовую челядь помещика Энгельгардта: сначала поварёнком на кухне, затем «казачком» — комнатным слугой барина.

Каждую свободную минуту Шевченко старался посвятить любимому делу — рисованию. Рисовал он чем придется: мелом, карандашом, углём.

В начале 1831 года Энгельгардт переезжает в Петербург. Убедившись, что лакей из Тараса не получится, помещик решил превратить его в «придворного» живописца. Он отдаёт Шевченко в обучение к маляру-ремесленнику Ширяеву, грубому и невежественному человеку. Обучение у Ширяева не могло удовлетворить талантливого юношу. В часы досуга он бегал украдкой в Летний сад и зарисовывал статуи. Здесь произошло знакомство Шевченко с художником Сошенко. Сошенко познакомил Тараса Григорьевича со своими друзьями: художником К. П. Брюлловым, поэтом В. А. Жуковским и др. Новые друзья Шевченко, обнаружив в нём недюжинный талант художника, решили выкупить его из неволи. Энгельгардт заломил небывалую цену — 2500 рублей. Чтобы добыть такую сумму, Брюллов написал портрет Жуковского. Деньги, полученные за портрет, пошли на выкуп художника. В апреле 1838 года Шевченко получил свободу. Он стал студентом Академии художеств, любимым учеником Брюллова, Венецианова и их товарищей.

В это время он начинает писать.

Ещё в детстве Тарас Григорьевич любил слушать бродячих украинских певцов-кобзарей, бандуристов, лирников. Они пели народные песни о легендарном прошлом Украины, о том, как вольные казаки дрались с врагами — с монголами, с польскими панами и др. Кроме того, Шевченко хорошо знал крепостную действительность — горькую долю батраков.

Всё это нашло отражение в его творчестве.

«В его стихах,— говорил Максим Горький,— «слышна жалоба всей Малороссии, в его воспоминаниях о казацкой воле — вы почувствуете воспоминания всего народа».

В 1840 году вышла первая книжка стихов Шевченко под названием «Кобзарь».

Назвав сборник своих стихов «Кобзарем», поэт подчеркнул этим связь своего творчества с народным. «Кобзарь» нашёл широкое распро-

странение среди простых людей, зато дворянская критика назвала Шевченко «мужицким поэтом».

Шевченко был страстным патриотом, он горячо любил свою родину. Он хотел увидеть её освобождённой от крепостного рабства. В это время в Петербурге существовал тайный кружок Петрашевского. Петрашевцы выступали против крепостного права и самодержавия. Идеи петрашевцев были близки Шевченко. Он сближается с членами кружка. Под их влиянием написал поэму «Сон», в которой показывает нищую крепостную Украину, угнетённое крестьянство и паразитическое существование дворянства и царя.

В поэме явственно звучит угроза существующим порядкам:

Долго ль палачам-злодеям
Властвовать на свете?

В 1845 году Шевченко окончил Академию художеств, получил звание свободного художника и переселился в Киев. В написанном здесь стихотворении «Как умру — похороните...» уже звучит прямой призыв к вооружённому восстанию:

«Схоронив меня, вставайте,
Цепи разорвите,
И злодейской вражьей кровью
Волю окропите».

Шевченко понёс тяжкую кару за свою политически острую революционную поэзию. В 1847 году он был арестован и сослан «рядовым солдатом» в Оренбургский линейный батальон. Десять ужасных лет провёл Шевченко вдали от любимой родины и дорогих друзей. Самодержавие всеми силами стремилось сломить волю революционера-демократа. Ему запрещено было писать и рисовать, но Шевченко всё же тайком и пишет и рисует. В его поэзии наряду с тоской по родной Украине, по её высоким курганам и широким голубым степям, по её надднепровским кручам всё сильнее звучит призыв к революционному действию.

Заглядывая в будущее, поэт видит освобождённые от угнетателей «широкие сёла, а в сёлах весёлых и люди весёлы».

В 1858 году поэт возвращается в Петербург, где сближается с кружком революционеров-демократов. Чернышевский и Добролюбов оказали огромное влияние на украинского поэта. Шевченко зачитывался герценовским «Колоколом». В своей газете Герцен призывал: «заострите топоры и за дело...» К топору звал и Шевченко:

...Добра не ожидай,
Не ожидай желанной воли...

...Чтобы поднять и разбудить
Её, больную,— надо миром
Обух широкий закалить.
И наточить острей секиру.
Да и скорей её будить.

Десятилетняя каторга и лишения подорвали здоровье Шевченко. 10 марта 1861 года Тарас Григорьевич умер от тяжёлой болезни.

Характеризуя творчество Шевченко, Добролюбов писал: «Он поэт совершенно народный... Он вышел из народа, жил с народом и не только мыслью, но всеми обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан».

На берегу Днепра, близ Киева, на высоких днепровских кручах похоронен великий поэт Украины.

Советский народ чтит память великого национального украинского поэта. Шевченко дорог нам тем, что пламенным словом революционера-демократа он призывал народ к борьбе с самодержавием и крепостничеством. Только при советской власти исполнилась мечта украинского поэта.

...И меня в семье великой,
В братстве вольном, новом
Помянуть не позабудьте
Добрым тихим словом.

Советские люди любят и знают стихи Т. Г. Шевченко. В 1918 году В. И. Ленин подписал решение об открытии в Петербурге первого в мире памятника поэту-борцу-революционеру. В Киеве — столице цветущей Украины — в честь 125-летней годовщины со дня рождения открыт величественный памятник поэту. Имя Шевченко наряду с именем Пушкина, Руставели, Низами является знаменем социалистической культуры.

М. П. МУСОРГСКИЙ

(1839—1881)

В Петербурге, в доме знатной барыни Рюминой идет благотворительный концерт. За пианино — изящный двенадцатилетний мальчик. Он исполняет пьесу Герца. Это Моденька Мусоргский, будущий гениальный композитор.

Великосветские гости с интересом слушают юного музыканта. Тут же находится Антон Августович Герке. Он волнуется: хотя ученик его очень

способный и прекрасно владеет техникой игры, но пьеса трудная и требует совершенства в исполнении. Волнения учителя напрасны. Мальчик уверенно ведёт концерт. Последний аккорд замирает...

Аплодисменты не прекращаются несколько минут. Моденька расклaнивается и чуть не бежит к своему учителю. Растроганный Антон Августович обнимает мальчика. Он очень доволен своим учеником и в знак этого дарит ему сонату Бетховена.

Это не первое выступление маленького Мусоргского. Он рано начинает заниматься музыкой, с пяти-шести лет. К семи годам он хорошо играет небольшие сочинения Листа, а в девять родители разрешили ему выступить с большим концертом Фильда перед многочисленными гостями, которые собрались в их имении — Кареве, Псковской губернии. Тогда его тоже очень хвалили.

Игре на фортепиано Модеста научила мать. Потом для мальчика взяли преподавательницу музыки.

Необычайные музыкальные способности сына заставляют призадуматься родителей. Но Мусоргские — помещики, и карьера музыканта их не прельщает. Их предки все были гвардейцами, значит, и Модест будет военным. Десятилетнего Мусоргского отвозят в Петербург, где он учится в школе гвардейских подпрапорщиков и одновременно берёт уроки музыки у известного пианиста-педагога Герке.

В 1856 году он в числе первых учеников кончает гвардейскую школу и становится блестящим офицером Преображенского полка.

В 1857 году Мусоргский знакомится с знаменитым композитором Даргомыжским. Эта встреча сыграла решающую роль в его жизни.

В то время на сценах оперных театров и в концертах исполнялась только западная музыка. Среди дворянского общества существовало мнение о том, что «в России своей собственной музыки быть не может».

Но русские композиторы стремились создать свою национальную музыку. Михаил Иванович Глинка дал России «Ивана Сусанина» — первую оперу, где была показана героическая борьба русского народа за свою независимость. Александр Сергеевич Даргомыжский написал оперы «Русалка» и «Каменный гость». Но имена великих композиторов, как и их творчество, мало кому были известны, так как царскому правительству их музыка была неугодной.

Ничего не знал о русской музыке и Мусоргский. Герке, его учитель, был иностранец и знакомил своего воспитанника только с западными композиторами. В кругу родных и знакомых восхвалялась и исполнялась та же западная музыка.

В доме Даргомыжского Модест Петрович встречается с молодыми

талантливыми композиторами Балакиревым, Кюи и критиком Стасовым. Здесь он впервые слышит о русской музыке, о том, что музыка должна служить народу, что она должна быть правдивой и жизненной.

Даргомыжский обращает внимание на талантливость Мусоргского и советует ему заняться композиторской деятельностью.

Мусоргский был захвачен новым знакомством. Прежняя жизнь кажется ему пошлой и тусклой. Без отвращения он не может о ней думать.

Чувствуя в себе большие творческие силы, он решает порвать с военной службой и целиком отдаться любимому делу. В 1858 году Модест Петрович уходит в отставку.

Хотя Мусоргский и прекрасный пианист, и талантлив, ему нехватает знаний, чтобы стать композитором. И он принимается за учёбу.

Балакирев помогает Модесту Петровичу пополнить знания.

Балакирев и его друзья — люди нового поколения, воспитанные на статьях Белинского и Добролюбова, произведениях Чернышевского, Герцена, Некрасова. Все они молоды, страстно любят музыку, требуют от неё правды жизни, хотят, чтобы музыка служила народу. В 1861 году они организуют «Бесплатную музыкальную школу», где устраивают концерты для широкой публики, знакомя её с музыкой Глинки, Даргомыжского, крупнейшими композиторами Запада и своим творчеством.

Балакирева и его друзей называют «Могучей кучкой».

Мусоргский живёт интересами «Могучей кучки». Он хочет творить для народа, жизнь которого близка ему. Он пишет песни на крестьянскую тематику «Колыбельную Ерёмушки»; «Калистрат» (на слова Некрасова); «Спи, усни, крестьянский сын»; «Светик-Савишна» и другие. Все они даны в форме живых драматических сценок.

Модест Петрович думает о создании крупной вещи, но долго не может избрать темы. В 1868 году он увлекается драмой Пушкина «Борис Годунов» и решает писать оперу.

Кинокартина «Мусоргский», созданная в наше время, прекрасно показывает период работы композитора над оперой «Борис Годунов». В 1869 году опера была закончена, но цензурный комитет бракует её: старых музыкальных чиновников пугает новизна драмы.

В 1871 году Модест Петрович переделывает оперу. Цензурный комитет снова отклоняет её. Отдельные сцены из «Бориса Годунова» в 1873 году всё же ставятся на сцене Мариинского театра и имеют необычайный успех. В целом оперу удаётся поставить в 1874 году и то только благодаря влиянию на цензурный комитет широкой публики и друзей из «Могучей кучки».

При жизни Мусоргского опера ставится двадцать раз, и все двадцать представлений Мариинский театр переполнен. Потом «Борис Годунов» был запрещён и не ставился много лет.

В «Борисе Годунове» Мусоргский главным действующим лицом изобразил народ и показал, что между народом и царской властью лежат непримиримые противоречия; подчинил музыку развитию действия, широко использовав народную песню. Все сцены «Бориса Годунова» были правдивы и жизненны, образы свежи и драматичны.

В 70-х годах Модест Петрович задумывает оперу «Хованщина». Сюжетом её является боярский заговор конца 17 века против молодого Петра. Либретто (содержание оперы) пишет сам Мусоргский с помощью В. В. Стасова. Одновременно с «Хованщиной» работает над бытовой комической оперой «Сорочинская ярмарка» по Гоголю. Закончить эти вещи ему не удалось.

В царское время труд композитора не оплачивался, и Мусоргский жил в постоянной нужде. Ему приходится служить чиновником. Но служба давала гроши, а отнимала почти всё время, необходимое для творчества. И Модест Петрович оставляет её, чтобы писать.

Имение Мусоргских было разорено и почти не давало никакого дохода. После смерти родителей Модест Петрович отказался от причитавшегося на его долю наследства в пользу старшего брата.

Когда Модест Петрович заболел, у него не было ни квартиры, ни денег. С большим трудом друзьям удалось устроить его в Николаевский военный госпиталь под видом денщика доктора этого госпиталя.

Здесь Мусоргский и умер 26 марта 1881 года.

В своём творчестве Мусоргский достигает вершины реализма. Он был всегда ярым противником рутины[1], стремился ко всему новому и прекрасному, стремился передать в музыке величие русского народа, его мечты о лучшем будущем, его страдания и гнев.

Мусоргский очень любил детей и создал для них ряд музыкальных пьес: «Дитя с няней», «В углу», «Кот матрос», «Детская» и другие.

Имя Модеста Петровича широко известно и дорого нашему народу. Только в наше время по-настоящему было оценено его творчество, стало возможным ставить его оперы.

---

[1] Рутина — старое, отжившее.

ИГРЫ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВИКТОРИНА

1. Кто из юных героев Аркадия Гайдара является тёзкой героя Марка Твена?

2. В каких фантастических произведениях вы встречали девушку с золотой косой, героиню с голубыми волосами и царевну с месяцем под косой?

3. Кто из героев Фадеева замечательно декламировал лермонтовского «Демона»?

4. Каким двум мастерам, героям уральских сказов, показывала свои многоцветные богатства хозяйка-Малахитница?

5. В каком произведении А. П. Чехов рассказал действительный случай из жизни русского циркового артиста, написавшего впоследствии книгу для советских ребят? Как называется книга артиста?

6. Какая сказочная героиня превращала всё в лед и снег, и какая — зимою лето делала?

7. Какой герой Гайдара носил то же имя, что и средневековый завоеватель?

8. В каких трёх сказах П. П. Бажова появляется камнерез Данило?

9. Назовите имена двух мальчиков, героев советской литературы, один из которых освободил из-под стражи матроса-большевика, а другой спас моряка с броненосца «Потёмкин».

10. В каком уральском сказе и в какой книге о приключениях среди индейцев герой, имеющий человеческий облик, именуется змеем?

11. Какие кинофильмы поставлены по пьесам Сергея Михалкова?

12. Кто из литературных героев спускался в колодец, чтобы спасти собаку, и какая героиня, одарившая юношу сказочными ягодами и перьями, появилась из колодца?

13. А в каком произведении уральского писателя действуют и движутся одни лишь горящие уши четвероногого волшебника?

ЗАГАДКИ

1

Ну-ка, кто из вас ответит:
Не огонь, а больно жжёт,
Не фонарь, а ярко светит,
И не пекарь, а печёт?

2

В лесу вырезана,
Гладко вытесана,
Поёт заливается.
Как называется?

3

В огне родился — с огнём простился.
Едва ушёл — и смерть нашёл.

4

На чужой спине едет
И на своей груз везёт.

5

Тра-та-та,
Тра-та-та!
Сверху кожа,
Снизу тоже,
В середине —
Пустота.

СКОРОГОВОРКИ

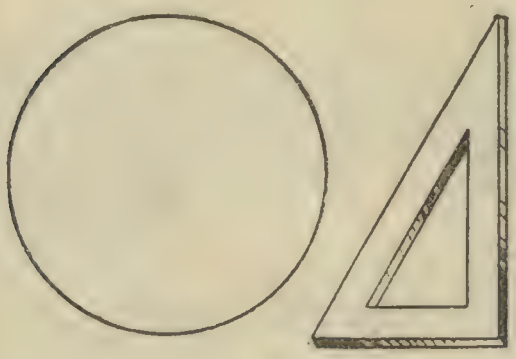
Пекарь Пётр пёк пироги.
Три дроворуба на трёх дворах дрова рубят.
Дробью бьют по перепелам да по тетеревам.

КТО БЫСТРЕЕ

1. Найдёт центр круга, пользуясь только угольником?

2. Решит следующую задачу:

В саду растут груши и яблони. Если взять $^1/_2$ всех груш и $^1/_4$ всех яблонь, то и тех и других будет поровну. Сколько в саду растёт груш и сколько яблонь?



3. Покажет на карте четыре разноцветных реки и назовёт четыре реки, в названии которых различны только первые буквы, причём, одна река — приток Волги, вторую ищи на Урале, третью — на Кавказе, четвертую — в Казахстане.

4. Ответит, который из двух кофейников, изображенных на рисунке, вместительнее, если они одинаковой ширины, но один высокий, а другой низкий?

РЕБУС

В этом ребусе заключены строки из пионерской песни. Прочтите их.

100 ГОЛОВОЛОМКА

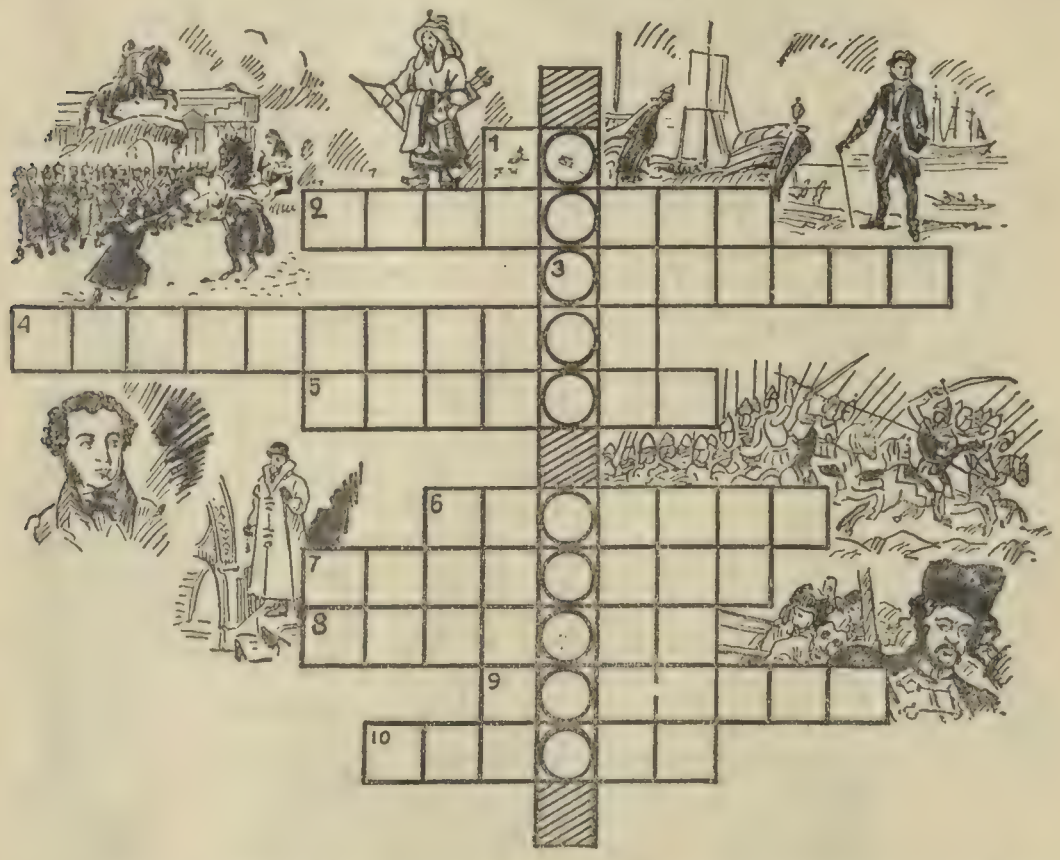
Найдите линию, с помощью которой можно прочесть слова из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Три пальмы».

М	Л	А	Л	К	О	Л	И
А	Е	И	П	Ь	О	Р	С
Х	Р	З	Т	Е	М	С	О
Н	Я	А	Й	Р	Ы	Ы	Ы
А	Ы	П	В	О	И	Д	В
П	Ч	Х	Е	И	К	Г	Р
В	Е	С	С	Т	Й	С	О

КРОССВОРД

Авторы исторических романов

Заполните клетки по горизонтали, и в вертикальном столбце, отмеченном кружочками, получите имя и фамилию советского писателя, автора исторического романа о Богдане Хмельницком. Как называются романы, о которых здесь говорится?



1 — Автор романа о татаро-монгольском государстве 12—13 века.

2 — Автор романа о русско-японской войне.

3 — Автор романа о русском царе первой четверти 18 века.

4 — Автор романа о грузинском государственном деятеле конца 16—начала 17 века.

5 — Автор русских историко-биографических романов.

6 — Автор романа о московском князе, положившем начало освобождению Руси от татаро-монгольского ига.

7 — Автор романа, в котором говорится о русском царе — создателе многонационального централизованного государства.

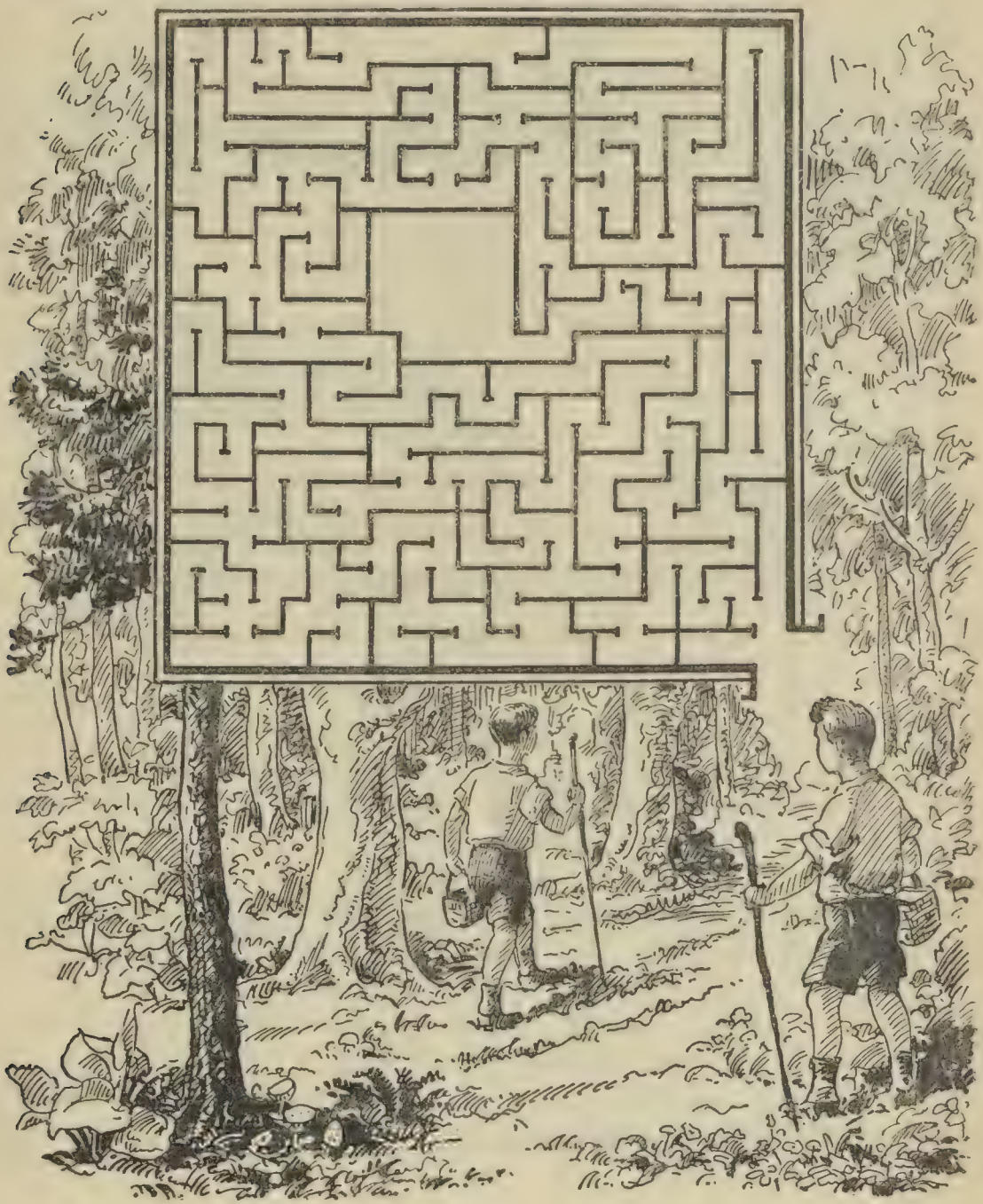
8 — Автор романа, рассказывающего о полководце Отечественной войны 1812 года.

9 — Автор романа о вожде крестьянского восстания конца 17 века.

10 — Автор романа, повествующего о крестьянском восстании 18 века.

ЛАБИРИНТ

Ребята увидели в лесу ёжика, но он быстро убежал от них. Помогите ребятам найти путь к месту, где спрятался ёжик.



ОТВЕТЫ НА РЕБУСЫ И КРОССВОРДЫ, ПОМЕЩЁННЫЕ В «БОЕВЫХ РЕБЯТАХ» № 12

Ребус 1. Повторение — мать учения.
Ребус 2. Делу — время, потехе — час.

Кроссворд. По горизонтали: 1. «Ревизор»; 4. Киото; 6. Пионер; 8. Марат; 9. Остап; 11. Теорема. 12. «Челкаш»; 14. Да; 15. Мцыри 16. Ра; 17. Ёж; 18. История; 20. Судак. По вертикали: 1. Реостат; 2. Волга; 3. Запад; 4. Коробочка; 5. Ост; 6. Программа; 7. Еретики; 8. Мираж; 9. Островский. 10. Початок; 13. Мел; 15. Плохо.

Кросс-чайнворд: 1. Фадеев; 2. Катаев; 3. Павленко; 4. Каверин; 5. Бажов; 6. Кассиль; 7. Гайдар; 8. Барто; 9. Маршак; 10. Чарушин; 11. Кальма.

Логогрифы. 1. Вёсла-Висла; 2. Ток-док; 3. Барс-барсук.

Загадки: 1. Плуг; 2. Солнечный луч; 3. Туча; 4. Звёзды.

Отгадай: 1. «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя. 2. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина.
3. 4. 5. 8. «Горе от ума» А. С. Грибоедова.
6. «Любопытный» И. А. Крылова.
7. «На дне» А. М. Горького.
9. «Кукушка и петух» И. А. Крылова.
11. «Вновь я посетил...» А. С. Пушкина.
12. «Хорошо» В. В. Маяковского.

СОДЕРЖАНИЕ

Наш любимый писатель, *очерк* 3
Е. Хоринская, Домик писателя, *стихи* 8
П. Бажов, Жабреев ходок, *сказ* 11
К. Махров, Маленькие хозяева, *рассказ* 22
Е. Великанов, Убийцы, *стихи* 29
Е. Ружанский, Цуи Дзя, *стихи* 31
М. Пригара, Иванкова песня, *стихи* 35
Т. Кузовкина, День рождения, *рассказ* 37
Е. Фейерабенд, На рыбалке, *стихи* 43
А. Перегудов, Нелегкая победа, *рассказ* 45
М. Найдич, Молодой рабочий, *стихи* 54
О. Коряков, Рыжий Нат, *рассказ* 55
Г. Шумилов, Первые сапоги, *рассказ* 64
Л. Фёдоров, Рябина, *рассказ* 72
В. Батманов, Компас времён года, *очерк* 78

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

Е. Долинова, Ручейки, *стихи* 91
Н. Трубин, Бобко, *рассказ* 94
М. Морозова, Кто красивее, *сказка* 100

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

А. С. Попов; М. Е. Салтыков-Щедрин; И. П. Павлов; Т. Г. Шевченко; М. П. Мусоргский 104

ИГРЫ

Литературная викторина, загадки, скороговорки, кто быстрее, ребус, головоломка, кроссворд, лабиринт 119

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы о сборнике посылать по адресу: г. Свердловск, ул. Ленина, 47, Свердловское Областное Государственное Издательство.

Редактор-составитель *Л. Чумакова.*
Обложка художника *В. Васильева.*
Технический редактор *Л. Носова.*
Корректор *И. Мельникова*

Подписано к печати 7/IX 1951 г.
Уч.-изд. л. 8,7 Бумага 70×92¹/₁₆=4
бумажных 9,22 печатного листа.
НС 34725 Тираж 20000. Заказ № 129.
Цена 5 р. 35 к.

5-я типография Росполиграфиздата
при Совете Министров РСФСР
Свердловск, ул. Ленина, 47.

Цена 5 р. 35 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1951